КУБАНСКОЕ АГЕНТСТВО
СУДЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ

PRO-SUD-123.RU

Юридический сетевой электронный научныйжурнал

2021. №1 (12)

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. №1 (12)

ISSN: 2542 - 2014

О журнале

Сетевое издание «Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru» (далее - КубАСИ) зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 18 апреля 2014 г. **Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–57731.**

Издатель: автономная некоммерческая организация "Кубанское агентство судебной информации". Адрес: 350000, г. Краснодар, ул. Монтажников, 1/4 . Электронная почта — kubasi@pro-sud-123.ru

Телефон — 8 (861) 212-775-6

Сетевое издание КубАСИ зарегистрировано в Национальном центре ISSN. Международный стандартный номер сериального издания **ISSN: 2542 – 2014.**

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**).

Юридический сетевой электронный научный журнал размещается на платформе КубАСИ как его структурное подразделение. Журнал является согласно ГОСТ 7.83-2001 **сетевым электронным изданием**. Это электронное издание, доступное потенциально неограниченному кругу пользователей через телекоммуникационные сети.

Полные тексты статей находятся в открытом доступе (open access), без необходимости регистрации. Открытый доступ подразумевает, что авторы предоставляют результаты своих исследований (в виде полнотекстового варианта научной статьи) для самого широкого бесплатного распространения через любые средства массовой информации. Интернет дает возможность максимально большому количеству заинтересованных лиц ознакомиться с результатами труда ученого и использовать ссылку на его труд при дальнейшей работе. Наш журнал предоставляет непосредственный открытый

доступ к своему контенту по лицензии Creative Commons Attribution (CC-BY). Эта лицензия позволяет другим распространять, редактировать, поправлять и брать за основу Ваше произведение, даже коммерчески, до тех пор, пока они указывают Ваше авторство.

Публикация статей во всех номерах журнала является **бесплатной** для всех авторов.

Основным языком журнала является русский, дополнительным — английский.

Периодичность издания — номера журнала выходят один раз в квартал (при условии накопления материалов на очередной номер).

Журнал является юридическим рецензируемым научным изданием.

Назначение — оперативно и достоверно освещать юридическую научную деятельность в Краснодарском крае по всем основным направлениям проводящихся правовых научных исследований и разработок, учебно-методических и практических результатах преподавания юридических дисциплин и подготовки научных кадров.

Цель юридического сетевого электронного научного журнала КубАСИ состоит в создании благоприятных условий для повышения эффективности научных юридических исследований путем быстрой публикации научных статей без жестких ограничений на их объем и количество о новых, ранее не опубликованных значимых результатах научных исследований и практически значимых результатах их применения.

Задачи юридического сетевого электронного научного журнала КубАСИ:

- организация обсуждений по актуальным проблемам юридической науки и судебной практики;

- информирование юристов и общественности о жизни кубанского юридического сообщества;

- обмен опытом преподавания юридических дисциплин и подготовки научных кадров.

Регистрационные свидетельства:

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Эл № ФС77-57731 *от 18 апреля 2014 г.*

Название: *Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru*

Адрес редакции: *350000, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Монтажников, д. 1/4*

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): *PRO-SUD-123.RU*

Примерная тематика и (или) специализация: *Информационная в сфере права и судебной деятельности*

Форма периодического распространения (вид - для периодического печатного издания): *сетевое издание*

Язык(и): *русский*

Территория распространения: *Российская Федерация, зарубежные страны*

Учредитель (соучредители) (адрес): *Автономная некоммерческая организация "Кубанское агентство судебной информации" (350000, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Монтажников, д. 1/4)*

Заместитель руководителя **А.А. Приезжева**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.В. Виноградов**

051045

ТАСС
ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО РОССИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о регистрации в Национальном центре

ISSN

и присвоении Международного стандартного номера сериального издания
(International Standard Serial Number)

Издание: Основное заглавие: Кубанское агентство судебной информации
Параллельное заглавие: Kuban agency judicial information
Ключевое заглавие: Кубанское агентство судебной информации
Вариант заглавия: Pro-Sud-123.ru
Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-57731 от 18 апреля 2014 года
Издатель: АНО "КубАСИ"
Место издания: г. Краснодар
URL: http://www.pro-sud-123.ru/
Язык издания: русский
Периодичность: непрерывно обновляемый
Вид издания: непрерывно-обновляемый Web-сайт
Версия издания: электронное сетевое

зарегистрировано в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации.

Изданию присвоен номер ISSN: 2542-2014

Владелец номера предупреждается о том, что номер ISSN нужно использовать в строгом соответствии с нормативными документами, не передавать его другим лицам и организациям.

Об изменениях в сведениях, заявленных при регистрации, в т. ч. о любых изменениях в заглавии, изменении издателя, контактной информации и пр. необходимо сообщать в Национальное агентство ISSN.

Свидетельство выдал _____ / Ерохина Е. /

12.04.2017

ISBN
ISMN
ISSN

Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»,
Российская книжная палата
125993, Москва, ГСП-3, Тверской бульвар, д. 10-12, тел.: +7 (499) 791-04-44, web: www.tass.ru

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. №1 (12)

ISSN: 2542 - 2014

Редакционная коллегия

1. Потапенко Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, директор АНО «Кубанское агентство судебной информации», главный редактор;

2. Бургер Борис Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, член Краснодарской краевой коллегии адвокатов, член редакционной коллегии;

3. Гелиева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета Кубанского государственного университета, член редакционной коллегии;

4. Гребенников Александр Иванович, кандидат юридических наук, председатель Двенадцатого арбитражного апелляционного суда (г. Саратов) в почетной отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, член редакционной коллегии;

5. Зарубин Алексей Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, судья Двадцать первого арбитражного апелляционного суда (г. Севастополь), член редакционной коллегии;

6. Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Кубанского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации, член редакционной коллегии;

7. Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Кубанского государственного университета, член редакционной коллегии;

8. Малиновский Олег Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права

юридического факультета Кубанского государственного университета, член редакционной коллегии;

9. Мустафин Рафаэль Фаильевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета Кубанского государственного университета, член редакционной коллегии;

10.Пальцева Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, судья арбитражного суда Северо-Кавказского округа в почетной отставке, член редакционной коллегии;

11.Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права, декан юридического факультета Кубанского государственного университета, член редакционной коллегии;

12. Пыленко Игорь Павлович, кандидат юридических наук, начальник кафедры судопроизводства Государственного морского университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, член редакционной коллегии;

13. Соколенко Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета Кубанского государственного университета,член редакционной коллегии;

14. Щенникова Лариса Владимировна. доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета Кубанского государственного университета.

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12)

ISSN: 2542 – 2014 **Дата выпуска: 31.05.2021**

Содержание

О журнале ……....1

Редакционная коллегия …….....5

Содержание …….....7

1. Алексеенко А. А. Судебное решение как акт правосудия в гражданском судопроизводстве …….....9

2. Блинников Л. А. Логика в развития и перспективы судебной системы в части гражданского судопроизводства ……...……....19

3. Блинников Л. А. Эффективность гражданского судопроизводства: содержание и практическое значение ……30

4. Гелиева И.Н., Гриценко Д. В. Проблемы правового статуса судебного представителя в гражданском процессе……41

5. Даниелян А. С., Коновалова А. Н. К вопросу о правовой природе электронных доказательств в контексте гражданского и арбитражного процесса …….....50

6. Кириенко А. А. Компенсация морального вреда как способ защиты личных неимущественных прав граждан ……....61

7. Киселева К. Э., Метельков В. Н. Особенности правового режима самовольной постройки……....73

8. Киселева К. Э., Гюлбанкян А. А. Иск как средство защиты субъективного права в контексте права собственности на недвижимое имущество……..……....……....……..……...…..…..……84

9. Козин И. И. Суд по интеллектуальным правам: история, правовой статус и компетенция……94

10. Коростелева Ю. А., Чуприна А.В. Судебное примирение в системе примирительных процедур в арбитражном процессе Российской Федерации……106

11. Ляшко А. А. Прокурор как субъект гражданских процессуальных правоотношений……..…115

12. Османова Э. С. Создание и функционирование кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции в рамках «процессуальной революции» …….……123

13. Чуева А. С. К вопросу о правовой природе налоговой ответственности в современных реалиях ……..…132

14. Шуаев М. Х. Приказное производство в гражданском процессе России и Германии…….……..…147

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Алексеенко Андрей Анатольевич
кандидат экономических наук,
магистрант юридического факультета
им. А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ КАК АКТ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Judgment as an act of justice in civil proceedings

***Аннотация*:** Целью настоящей статьи является раскрытие понятия, структуры и базовых характеристик судебного решения в гражданском судопроизводстве. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что что судебное решение в гражданском процессе представляет собой главный результат деятельности суда первой инстанции. Утверждается, что эффективность судебного решения напрямую зависит от его основополагающих характеристик – законности и обоснованности.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, судебное решение, постановление суда первой инстанции, судебный акт.

***Abstract*:** The purpose of this article is to reveal the concept, structure and basic characteristics of a court decision in civil proceedings. On the basis of the study, it was concluded that a court decision in a civil procedure is the main result

© Алексеенко А. А. 2021.

of the activity of the court of first instance. It is argued that the effectiveness of a court decision directly depends on its fundamental characteristics - legality and validity.

***Key words*:** civil proceedings, court decision, ruling of the first instance court, judicial act.

Как следует п.п. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ, гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности[1]. В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают из судебного решения, установившего гражданские права и обязанности, что дает основания рассматривать судебное решение как юридический факт, оказывающий влияние на существующие материальные и процессуальные правоотношения.

Согласно абз. 10 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов", судебный акт - судебное постановление, принятое в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, судебный акт, принятый в порядке, предусмотренном законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах, законодательством об административном судопроизводстве, судебное решение, вынесенное в порядке, предусмотренном законодательством об уголовном судопроизводстве, за

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС КонсультантПлюс.

исключением определений, которые заносятся в протокол судебного заседания (протокольные определения)[2].

Как отметил Конституционный Суд РФ, осуществление правосудия связано прежде всего с разрешением судом соответствующих дел, которое в гражданском судопроизводстве выражается в актах, определяющих правоотношения сторон или иные правовые обстоятельства, устраняющих спорность, обеспечивающих возможность беспрепятственной реализации права и охраняемого законом интереса, а также защиту нарушенных или оспоренных материальных прав и законных интересов[3].

Как следует из ч. 1 ст. 194 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), под судебным решением суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве следует понимать «постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу»[4].

Исходя из этого, можно сказать, что судебное решение в гражданском процессе представляет собой главный результат деятельности суда первой инстанции.

В юридической литературе высказаны взгляды на понятие судебного решения. Так, Н.Б. Зейдер считал, судебное решение является актом органа государства и как таковое оно представляет собой волевой акт[5].

По обоснованному мнению С.К. Загайновой, как и все акты органов государственной власти, судебные акты выносятся уполномоченным органом

---

[2] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.12.2017 г. №57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. 29.12.2017. № 297.

[3] Постановление КС РФ от 30 ноября 2012 г. N 29-П "По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко" // "Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 2.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // СПС КонсультантПлюс.

[5] Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. С. 44.

(судом) в рамках реализации государственной функции (осуществление правосудия и судебного управления), имеют обязательный характер, направлены на обеспечение стабильности гражданского оборота и публичных правоотношений[6].

Заслуживает поддержки утверждение С. А. Курочкина о том, что эффективность решения суда как основанного на общей государственной воле индивидуально-конкретного веления определяется его способностью правильно отражать суть регулируемых правом общественных отношений и обеспечивать защиту прав, свобод и законных интересов субъектов таких отношений[7].

Эффективность судебного решения напрямую зависит от его основополагающих характеристик – законности и обоснованности.

В силу ч. 1 ст. 195 ГК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным. Как раз эти основные характеристики судебного решения являются предметом проверки суда апелляционной инстанции.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 (ред. от 23.06.2015) "О судебном решении", решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (часть 1 статьи 1, часть 3 статьи 11 ГПК РФ)[8].

Пунктом 3 приведенного постановления установлено, что решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими

---

[6] См.: Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 129.

[7] Курочкин С.А. Эффективное судебное решение // Вестник гражданского процесса. 2020. N 3 //КонсультантПлюс.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 (ред. от 23.06.2015) "О судебном решении" // СПС КонсультантПлюс.

требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59 - 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

М. А. Гурвич рассматривал обоснованность как удостоверенное убедительными доказательствами соответствие фактического основания решения действительным обстоятельствам дела[9]. Такой подход одного из классиков науки российского гражданского процессуального права представляется правильным, поскольку решение суда можно считать обоснованным только в случае, когда установленные судом обстоятельства подтверждены соответствующими достоверными доказательствами.

Судебное решение имеет логически обусловленную и нормативно закрепленную в ГПК РФ структуру, которая состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Такая структура обусловлена также сложившейся последовательность разрешения дела судом первой инстанции в гражданском судопроизводстве.

Вводная часть решения носит в первую очередь информационный характер, направленный на индивидуализацию субъектов судебного спора и его предмет. Кроме того, вводная часть решения дает возможность отграничить решение суда первой инстанции по гражданскому делу от иных видов судебных постановлений в гражданском процессе.

Описательная часть решения суда должна содержать указание на требование истца, возражения ответчика и объяснения других лиц, участвующих в деле (ч. 3 ст. 198 ГПК РФ). Иными словами, в описательной части решения фиксируются исходных фактические и правовые позиции участников гражданского процесса.

---

[9] См.: Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 43,88.

Мотивированность судебного решения принято рассматривать в качестве одной из процессуальных гарантий конституционного права каждого на судебную защиту. В мотивировочной части решения содержится его основная смысловая нагрузка. При этом в силу ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РФ, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ.

Право высших судебных органов издавать акты правотворческого характера вытекает из природы судебной власти и ее значения для государственного политико-правового строительства, – устранение лакун между правом и обществом и защита демократических институтов государства, что законодательно закреплено на государственном уровне (Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами)[10].

Высказаны предложения «закрепить в ГПК РФ требование мотивированности судебного решения, а также установить обязанность суда, рассматривающего дело по первой инстанции, давать оценку в мотивировочной части решения всем доказательствам, имеющимся в материалах конкретного гражданского дела, на которые лица, участвующие в деле, ссылаются в обоснование своих позиций, а не ограничиваться только детальным анализом фактов и обстоятельств, совпадающих с позицией суда»[11].

---

[10] См. подробнее: Потапенко С. В. Судебные источники права // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2017. С. 14–18.

[11] См., например: Тихонова Ю. С. Мотивированность и обоснованность решений в гражданском судопроизводстве// Современное право. 2013. № 3. с. 110.

Такой подход нами поддерживается. Особенно с учетом того, что мотивированность решения суда первой инстанции имеет непосредственное отношение как к его законности, так и к обоснованности. Хотя на данный момент очевидна «общая тенденция развития цивилистического процессуального законодательства в направлении расширения круга гражданских дел, по которым принятие мотивированного решения необязательно»[12]. Речь, например, идет о ч. 3 ст. 199 ГПК РФ, предоставившей право мировому судье не составлять мотивированное решение суда по рассмотренному им делу).

Вместе с тем, по-прежнему вполне правомерно принято считать, что именно в мотивировочной части судебного решения отражается оценочная (мыслительная) деятельность суда по доказательственной (мыслительной) деятельности всех участников процесса, в отношении которой строится проверочная оценочная (мыслительная) деятельность вышестоящих судебных инстанций, как минимум апелляционного суда[13]. Следует отметить, что мотивированность судебного решения суда первой инстанции в гражданском процессе органически связана с его обоснованностью и законностью.

Окончательные выводы суда, вытекающие из мотивировочной части, содержатся в резолютивной части решения суда первой инстанции. Как следует из ч. 5 ст. 198 ГПК РФ резолютивная часть решения суда должна содержать выводы суда об удовлетворении иска либо об отказе в удовлетворении иска полностью или в части, указание на распределение судебных расходов, срок и порядок обжалования решения суда. Резолютивная часть решения суда, принятого мировым судьей, в силу п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 N 13 "О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих

---

[12] Потапенко Е. Г. О необходимости мотивированного решения суда по гражданскому делу // Вестник гражданского процесса. 2018. N 4. С. 279.

[13] См.: Дегтярев С. Л. Мотивировочная часть судебного решения как квинтэссенция доказательственной деятельности участников гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. с. 36-38.

производство в суде апелляционной инстанции", также должна содержать указание на срок и порядок подачи заявления о составлении мотивированного решения суда[14].

Институт дополнительного решения в гражданском процессе используется для восполнения неполноты основного решения.

Неполнота судебного решения в гражданском процессе представляет собой отсутствие в его содержании такой информации, которая в силу требований процессуального закона должна быть обязательно включена в судебный акт[15].

Согласно ч. 2 ст. 201 ГПК РФ вопрос о принятии дополнительного решения суда может быть поставлен до вступления в законную силу решения суда. Его рассмотрение должно проходить в судебном заседании с извещением лиц, участвующих в деле, о времени и месте его проведения.

Вынесение дополнительного решения после вступления в законную силу основного решения не допустимо, поскольку это будет противоречить сущности законной силы судебного решения. Согласно ч. 2 ст. 209 ГПК РФ после вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же исковые требования, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения.

В судебной практике имеются случаи, когда суд первой инстанции направляет гражданское дело в суд апелляционной инстанции, не рассмотрев в установленном порядке заявление о вынесении дополнительного решения. Суду апелляционной инстанции предложено возвращать дело, поступившее с апелляционными жалобой, представлением, в суд первой инстанции[16].

---

[14] Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 N 13 "О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции"// Российская газета, № 147, 29.06.2012

[15] См.: Приходько И. А. Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе: основные проблемы. СПб., 2005. С. 453.

[16] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. N 30 "О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации

Изложенное позволяет сделать вывод, что судебное решение в гражданском процессе является итоговым правоприменительным судебным актом (документом) по результатам рассмотрения по существу гражданского дела судом первой инстанции.

Список цитируемой литературы

1. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976.
2. Дегтярев С. Л. Мотивировочная часть судебного решения как квинтэссенция доказательственной деятельности участников гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 36-38.
3. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007.
4. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966.
5. Курочкин С. А. Эффективное судебное решение // Вестник гражданского процесса. 2020. N 3.
6. Потапенко Е. Г. О необходимости мотивированного решения суда по гражданскому делу // Вестник гражданского процесса. 2018. N 4.
7. Потапенко С. В. Судебные источники права // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2017. С. 14–18.

проекта Федерального закона "О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс.

8. Приходько И. А. Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе: основные проблемы. СПб., 2005.

9. Тихонова Ю. С. Мотивированность и обоснованность решений в гражданском судопроизводстве// Современное право. 2013. № 3.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Блинников Леонид Алексеевич
кандидат юридических наук,
Судья Краснодарского краевого суда

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ЧАСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

The logic of the development and prospects of the judicial system in terms of civil proceedings

***Аннотация*:** В статье обосновывается целесообразность достаточно радикальных структурно-правовых и кадровых мер в сфере гражданского судопроизводства, основывающихся на современной новой инстанционной структуре судов общей юрисдикции. Отдельные предложения направлены на дальнейшее сближение структур общих и арбитражных судов. Отдельное внимание уделено совершенствованию работы городских (районных) судов в части углубления специализации судей и изменения статуса мировых судей.

***Ключевые слова*:** суды общей юрисдикции; арбитражные суды; процессуальные новации; единое гражданское судопроизводство; специализация судей; мировые судьи.

***Abstract*:** The article substantiates the expediency of rather radical structural-legal and personnel measures in the field of civil justice, based on the

© Блинников Л.А. 2021.

modern new instance structure of the courts of general jurisdiction. Some proposals are aimed at further convergence of the structures of general and arbitration courts. Special attention is paid to improving the work of city (district) courts in terms of deepening the specialization of judges and changing the status of magistrates.

***Keywords*:** courts of general jurisdiction; arbitration courts; procedural innovations; unified civil proceedings; specialization of judges; justices of the peace.

В последнее время уже мало кто спорит с очевидно назревшей потребностью унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства[1]. Но при этом вопросы необходимого параллельного совершенствования самой судебной системы остаются без должного внимания. Тем не менее, очевидно, что указанные аспекты неразрывно связаны между собой и фактически составляют двуединую задачу повышения эффективности единого гражданского (цивилистического) процесса. Процедура совершенствования органов судебной власти связана, в том числе, с необходимостью реализации достаточно радикальных организационно-структурных и кадровых мер. Однако, уход от их обсуждения и последующего принятия уже невозможен, поэтому мы сочли возможным высказать свою позицию, надеясь на её профессиональный, корректный анализ со стороны коллег.

Итак, изменения в структуре судебных органов назрели, и они во многом определяются спецификой современного состояния гражданского процесса. Для решения вопроса об их оптимальном объеме и содержании следует определить те отправные начала и правила, которые должны быть

[1] См. об этом, например: Лазарев С. В. Направления развития гражданского судопроизводства в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 13 – 12; Чечулина А. А. Унификация гражданского и арбитражного процессов в рамках концепции судебного права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 3 -5.

положены в основу предлагаемых изменений. По нашему мнению, они могут быть представлены следующим образом.

а) Учет положительного и отрицательного опыта деятельности общих и арбитражных судов, особенно за период с 2002 года, т. е. времени принятия ныне действующих Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов РФ[2]. Автор достаточно много внимания уделял этому аспекту[3], поэтому здесь ограничимся кратким повторением главных выводов. Они состоят в единстве конституционной и историко-правовой основы обоих процессов, что делает их объединение возможным в принципе, а также выделение очевидных достижений и недостатков каждого из них с целью взаимного совершенствования и устранения допущенных ошибок правового регулирования гражданского процесса.

б) Отказ от продолжения различного рода правовых экспериментов в дальнейшем. Накопленной судебной практикой опыта, особенно за последние 25 лет, вполне достаточно для построения современной эффективной системы осуществления правосудия. Сказанное относится, прежде всего, к абсолютной нецелесообразности создания каких – либо специальных узкопрофильных судов (ювенальных, административных, семейных, трудовых, патентных и др.). И дело здесь не только и не столько в значительных финансовых затратах, которые потребовались бы со стороны государства, - в этом нет смысла с позиций обеспечения высокого качества самого правосудия. Сложившейся к настоящему времени специализации судей, а также недавних (октябрь 2019 г.) структурно - инстанционных

---

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

[3] См.: Блинников Л.А. Общность правовой природы и содержания гражданского и арбитражного процессов как основа для принятия единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации //Судебные ведомости. 2017. № 1-2. С. 14-19; Блинников Л.А. Развитие гражданского процесса и разрешение частных проблем (некоторые размышления к 15-летию ГПК РФ) // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции (22 февраля 2018г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2018. С. 34-40 и др.

изменений в общих судах для этого вполне достаточно[4]. Следует также иметь в виду, что многие споры (гражданские, административные и др.) имеют комплексный, многоплановый характер и узкая специализация судей в таких случаях будет даже вредна.

в) Следующие основополагающие правила (принципы) настолько взаимосвязаны между собой, что их следует рассматривать только в тесной взаимосвязи.

Установленная новая структура судебных органов должна быть в максимальной степени понятна и доступна сторонам - участникам гражданских правовых отношений, в конечном итоге – рядовым правопользователям[5]. Действительно, ведь не у всех участников гражданско-правовых отношений имеются навыки по использованию так называемого электронного правосудия, приглашению юристов необходимого профиля и т. д. Это особенно актуально в современных условиях развития малого и среднего бизнеса, индивидуального предпринимательства, выхода из «теневой» экономики самозанятых граждан. Насколько современная «классическая» трехзвенная структура общих судов и сохранение надзорных функций Верховного суда РФ оправдают возложенные на них ожидания, можно будет судить спустя определенное время, необходимое для налаживания жизнедеятельности новой структуры. Полагаем, это займет год-полтора, и до истечения такого срока делать какие-либо категоричные заявления, оценки представляется не корректным. В противном случае за существенные недостатки могут быть приняты огрехи организационно-технического свойства (например, межинстанционного документооборота). Но в любом случае, реализация принципа «одно звено – одна инстанция»,

---

[4] См.: Афанасьев С. Ф., Зайцев А. И. Специализация гражданских судов в России: история, реалии и перспективы // Юрист. 2005. № 7. С. 56 – 57; Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 19; Шабалин А.В. К вопросу о специализации судей по гражданским делам областных судов в системе судов общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 12 – 16 и др.

[5] См.: Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Сб. научн. тр. М. 2001. С. 65 – 67.

казавшаяся еще недавно недостижимой, осуществлена в практической деятельности и альтернативы такому подходу не предвидится, даже в отдаленном будущем.

Теперь, на базе уже состоявшихся организационно-правовых новшеств, целесообразно задуматься об иных назревших и возможных перспективных мерах.

Вначале выскажем свою убежденность в том, что **доступность (**здесь и далее выделено автором) должна быть установлена в качестве отдельного принципа гражданского судопроизводства в будущем едином ГПК РФ. Данный вопрос, конечно, заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь же он важен в качестве исходного принципа для совершенствования структуры общих и арбитражных судов, а именно – **дальнейшей унификации их звеньев (уровней).** Это позволит установить максимально схожие (лучше – идентичные) функции соответствующих их инстанций при рассмотрении гражданских дел, относимых в настоящее время к их компетенции. В связи с этим перейдем к конкретным предложениям структурного характера, относящимся к работе **основных** (низших) **судебных звеньев**.

Первое. В ныне действующих общих судах районного/городского, (окружного в городах) уровня следует оставить рассмотрение дел только по первой инстанции. Такая мера назрела давно, однако её реализация сопряжена с **формальным** отказом от института мировых судей, после 20-летия его достаточно успешного функционирования (ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»[6] от 17 декабря 1998 г.). К настоящему времени главные цели деятельности мировых судей – повышение доступности и эффективности, привлечение субъектов федерации к формированию единой судебной системы – вполне достигнуты[7]. Поэтому мировые судьи могут и должны продолжать работать, но в новом функциональном, компетентном

[6] Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 21.12.1998. № 51. Ст. 6270.

[7] См.: Шаркова И. На правовом поле появились мировые судьи. Рос. юстиция. 1999. № 1. С. 8-10; Демидов В. Федеральный закон действует – очередь за субъектами Федерации. Рос. юстиция. 1999. № 5. С. 2-4.

качестве. Автор считает оптимальным вариант, при котором они, наряду с федеральными судьями нижнего уровня, должны иметь **одинаковый** статус судьи первой инстанции соответствующего административно-территориального образования. Их компетенция, конечно, будет определенным образом пересмотрена, в связи с более глубокой, чем сейчас, специализацией судей. Она, в конечном итоге, должна найти свое отражение в виде создания соответствующих коллегий в районных/городских судах, в рамках которых и будут действовать нынешние мировые судьи, сохраняя, в большинстве случаев, свое нынешнее территориальное месторасположение. При этом председатели судов будут иметь возможность формирования гибкого графика распределения дел между судьями с учетом их опыта и профессиональных предпочтений, а апелляционное обжалование всех выносимых решений станет компетенцией соответствующих коллегий общих судов субъектов федерации.

Вторая объективно назревшая законодательная новация – это снижение уровня рассмотрения основного объема дел, относящихся к компетенции сейчас арбитражным судам по первой инстанции, до районного/городского звена судебной системы. Конечно, это станет возможным не в самой ближайшей перспективе, но реализация данного предложения вполне реальна по следующим соображениям.

К настоящему времени сформировалась устойчивая арбитражная правоприменительная практика с необходимым кадровым обеспечением.

В начале 1990-х годов, на момент создания и начала функционирования арбитражных судов, их деятельность в рамках уже сложившейся системы общих судов была просто невозможной по причине радикальной новизны сферы экономических отношений и рассматриваемых споров. Это требовало принятия отдельных, специфических законов и оперативного изменения всего арбитражного процессуального законодательства, что нашло свое отражение в трех последовательно

сменяющих друг друга Арбитражных процессуальных кодексах РФ (1992[8], 1995[9] и 2002 годов). Для нас очевидно, что работу по надлежащему исправлению допускаемых при этом ошибок следовало проводить в рамках отдельной, автономной ветви права, а не нагромождать различными «экспериментами» иные, уже сложившиеся процессуальные отрасли и институты.

Далее возобладала ставшая возможной положительная тенденция сближения, с перспективой реальной унификации, гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Следовательно, оставшиеся на этом пути препятствия не носят принципиального характера и могут быть успешно решены в ближайшей перспективе. Со стабилизацией экономической обстановки появилась возможность достаточно точно прогнозировать число споров, возникающих в сфере экономической деятельности. В настоящее время их объединяет высокая степень схожести с гражданскими спорами, рассматриваемыми судами общей юрисдикции, тем более что за многие годы компетенция обоих видов судов неоднократно «перекраивалась» между собой. Иными словами, необходимый опыт – есть, кадры – сформированы, представление о нагрузке на судей также имеется. Не хватает только структурного единства.

Поэтому, никаких принципиальных правовых препятствий для реализации предлагаемой меры не существует. А само «приближение» судебных процедур к местам непосредственного расположения хозяйствующих субъектов отвечает не только их интересам, но и стабильному развитию экономики страны в целом, что невозможно без оперативного и качественного рассмотрения соответствующих категорий споров. Полагаем, безусловный приоритет последней аргументации ни у кого сомнения не вызовет.

---

[8] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 05.03.1992 № 2447-1) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 16.04.1992. № 16. Ст. 836.

[9] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 08.05.1995. № 19. Ст. 1709.

Определенные сложности возникнут только в **организационно-кадровом**, **профессионально-этическом** аспектах, но и они, со временем, вполне решаемы. Так, не надо игнорировать то обстоятельство, что значительная часть судейского корпуса не захочет менять место своего постоянного жительства, что вполне объяснимо, т. к. при назначении на должность судья, как и любой человек, связывает с ним свои жизненные, семейные планы. Выход здесь представляется, например, в установлении определенного переходного периода, на протяжении которого часть арбитражного судопроизводства могла бы осуществляться в рамках выездных сессий суда. При этом в компетенции их, в будущем, среднего звена (также объединенного с общими судами) должно оставаться рассмотрение наиболее сложных и ответственных дел, в частности, те из них, которые в настоящее время требуют коллегиального рассмотрения в соответствии со ст. 17 АПК РФ.

Для ряда судей законодатель может предусмотреть льготный, пониженный возраст ухода в отставку или пониженные нормы нагрузки, связанные с разъездным характером работы.

И, главное, при обновлении судейского корпуса кандидаты, претендующие на приобретение статуса судьи, сразу будут готовы осуществлять свою профессиональную деятельность в конкретных, не только «столичных» местах. Это изначально исключит всякие разговоры о потере, якобы, судейского авторитета при переходе на более низкий и недостойный, по мнению отдельных судей, уровень.

Далее. Мы предлагаем не «механическое» перенесение арбитражного судопроизводства по первой инстанции во все административно-территориальные образования с расположенными в них общими судами, а расположение их по хорошо известному зональному принципу. Одна арбитражная коллегия может создаваться на несколько соседних районов/городов число которых определялось бы путем расчета предполагаемого объема рассматриваемых дел, что несложно сделать,

проанализировав расположение юридических адресов сторон (субъектов хозяйственной деятельности) по ранее рассмотренным делам за последние два - три года. Такой вариант не слишком усложнит их деятельность, позволив одновременно сконцентрировать наиболее опытные судейские кадры в местах оптимального расположения.

Наконец, нельзя обойти вниманием одну важную и, в ряде случаев, достаточно болезненную проблему, связанную с давними дискуссиями о преимущественной, ведущей роли системы общих или арбитражных судов в гражданском судопроизводстве.

Мы, конечно, уверены в необходимости и неизбежности создания в ближайшей исторической перспективе единой судебной системы в рамках ныне действующей структуры общих судов и в этом нет никакой корпоративной мотивации. Дело в другом, - наличие единой судебной системы предполагает сосредоточение в ней всех видов судопроизводств, в т. ч. административного и уголовного. Принятие Кодекса административного судопроизводства 2015 г.[10] обозначило четкую позицию законодателя о принадлежности подавляющей части административных дел к компетенции судов общей юрисдикции, а уголовное судопроизводство возможно **только** в общих судах. Поэтому слияние современного арбитражного и гражданского процессов возможно исключительно путем присоединения арбитражных судов к общим. Главный эффект от этого видится в исключении любой возможности возникновения каких-либо споров о компетенции, которые длительное время крайне негативно влияли на состояние всей судебной власти. Не случайно, что некоторые авторы возводят проблемы компетенции в ранг конституционных[11].

Кроме того, опыт построения системы арбитражных судов, соотношение в ней уровней и инстанций уже дал неоценимый опыт для

---

[10] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

[11] См. об этом: Кузьмин Р. Е. Конституционное право на судебную защиту в рамках проблемы определения компетенции судов гражданской юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С.3-5.

совершенствования будущей единой судебной системы государства (например, в части функционирования межрегиональных судов кассационной инстанции, освобождения Президиумов судов от функций по рассмотрению конкретных судебных дел и др.). Безусловно, дальнейший процесс совершенствования судопроизводства в стране возможен только в обстановке анализа и реализации всего ранее накопленного положительного опыта, а также устранения любых узковедомственных интересов.

Список цитируемой литературы

1. Афанасьев С. Ф., Зайцев А. И. Специализация гражданских судов в России: история, реалии и перспективы // Юрист. 2005. № 7;
2. Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2;
3. Блинников Л. А. Общность правовой природы и содержания гражданского и арбитражного процессов как основа для принятия единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации //Судебные ведомости. 2017. № 1-2;
4. Блинников Л. А. Развитие гражданского процесса и разрешение частных проблем (некоторые размышления к 15-летию ГПК РФ) // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции (22 февраля 2018 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2018;
5. Демидов В. Федеральный закон действует – очередь за субъектами Федерации. Рос. юстиция. 1999. № 5;
6. Кузьмин Р. Е. Конституционное право на судебную защиту в рамках проблемы определения компетенции судов гражданской юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3;

7. Лазарев С. В. Направления развития гражданского судопроизводства в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7;

8. Чечулина А. А. Унификация гражданского и арбитражного процессов в рамках концепции судебного права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3;

9. Шабалин А. В. К вопросу о специализации судей по гражданским делам областных судов в системе судов общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3;

10. Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Сб. научн. тр. М. 2001;

11. Шаркова И. На правовом поле появились мировые судьи. Рос. юстиция. 1999. № 1.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Блинников Леонид Алексеевич
кандидат юридических наук,
Судья Краснодарского краевого суда

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Effectiveness of civil proceedings: content and practical significance

***Аннотация*:** В статье исследуются различные аспекты эффективности гражданского судопроизводства: содержание данной категории, возможные критерии (показатели), отличительные признаки в сравнении с иными видами судопроизводства. Отдельно рассматривается вопрос о доступности гражданского правосудия, как его главного отличительного признака. Критическому анализу подвергается включение в содержание эффективности избыточных элементов и одновременно обосновывается ведущее значение судебной практики как главного критерия её оценки.

***Ключевые слова*:** эффективность гражданского судопроизводства; признаки и критерии правосудия, доступность правосудия, судебная практика.

***Abstract*:** The article examines various aspects of the effectiveness of civil proceedings: the content of this category, possible criteria (indicators), distinctive

© Блинников Л.А. 2021.

features in comparison with other types of legal proceedings. The issue of accessibility of civil justice, as its main distinguishing feature, is considered separately. The inclusion of redundant elements in the content of effectiveness is critically analyzed, and at the same time the leading importance of judicial practice as the main criterion for its evaluation is justified.

***Keywords*:** efficiency of civil proceedings; signs and criteria of justice, accessibility of justice, judicial practice.

Успешное продвижение судебной реформы, особенно – с октября прошлого года[1], после реализации мер по радикальному совершенствованию инстанционной структуры судов общей юрисдикции, бесспорно, предполагает периодический анализ достигнутых положительных результатов, так и допущенных просчетов. Подобного рода процессы и их итоговые результаты традиционно оценивались с позиций **эффективности судопроизводства** (здесь и далее выделено авт.), в нашем случае – гражданского.

Очевидно, что понятие эффективности судопроизводства, является по своему характеру оценочным и в определенной мере субъективным. Тем не менее, оно достаточно часто используется в Указах Президента России, Постановлениях Правительства РФ, Конституционного и Верховного судов РФ, посвященных деятельности правоохранительных органов, хотя в процессуальном законодательстве, за редким исключением, не используется[2]. Поэтому столь важно правильно оценивать содержание эффективности судопроизводства, как понятийного аппарата, его возможные критерии

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Российская газета. 16.09.2019. № 206; Особая инстанция. Верховный Суд России утвердил дату начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов // Российская газета 13.09.2019. № 205.

[2] Исключение составляет содержание ст. 6.1. ГПК РФ и аналогичных статей АПК РФ и КАС РФ.

(показатели), формирующие факторы, а также специфические черты именно гражданского судопроизводства. Соответствующий термин также является одним из самых используемых в научной, методической и учебной литературе, посвященной процессуальной тематике.

Этимологически, с учетом латинского происхождения, эффективность следует понимать как «результативность», «работоспособность», «действенность». Безусловно, здесь не приемлем подход, принятый в сфере экономических и технических познаний. Он, как правило, сводится к соотношению стоимости произведенных материальных благ и/или оказанных услуг и совершенных при этом трат. Совершенствование же процедур правосудия сопряжено с выделением значительных финансовых средств, однако объективная необходимость этого не вызывает сомнений и признается государством[3].

Применительно к предмету нашего исследования, эффективность – это, прежде всего, степень соответствия достигнутого результата изначально поставленной цели, определяемой задачами гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ[4]). Однако оценка эффективности связана не только с достижением конечного результата, но и путей, способов такого достижения, которые, в свою очередь, определяются принципами гражданского судопроизводства и реальным соблюдением порядка проведения всех судебных процедур. Иными словами, оценке должно подвергать не только цель, но и соблюдение правил её достижения. Такой **двуединый критерий** к определению эффективности судопроизводства представляется нам наиболее правильным в силу своей конкретности, лаконичности и, одновременно, достаточности в плане учета всех необходимых правовых, организационных и социально-экономических факторов. Мы признаем необходимость комплексного подхода в качестве методической основы определения

[3] См.: Фемида в новом формате / Президент Владимир путин рассказал о планах судебной реформы // Российская газета. 24.01.2018. № 14.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

эффективности гражданского судопроизводства, как целостной системы, в которой одни задачи не будут разрешаться за счет игнорирования других[5]. При этом, на определенных этапах функционировании системы, некоторые её элементы объективно могут несколько отставать от развития других, но за счет последних система в целом будет достаточно работоспособна. Бесспорным подтверждением этому служит практика осуществления правосудия 1990-х годов, реализуемая в обстановке крайне неэффективного, противоречивого законодательства. И, тем не менее, благодаря усилиям значительной части судейского корпуса удалось сохранить жизнеспособность отечественного судопроизводства.

Вышеописанной позиции, с теми или иными несущественными деталями, придерживается значительная часть ученых – процессуалистов и практических работников. Однако, здесь заслуживают внимания три вопроса (проблемных аспекта), разрешение которых в последнее время наиболее часто связывают с определением эффективности судопроизводства в целом. Первый состоит в установлении особенностей эффективности, присущих именно гражданскому судопроизводству, в отличие от иных процессуальных отраслей. Второй определяется необходимостью критического отношения к ненужному обременению указанного подхода иными, избыточными элементами, прежде всего, формально – логического и социального характера. В рамках этого направления отдельного внимания заслуживает рассмотрение схожих с эффективностью иных понятий, используемых для характеристики гражданского судопроизводства (справедливость, оптимальность, качественность и др.)[6]. Третий аспект достаточно автономен и заключается в оценке, с позиций эффективности,

---

[5] См. об этом, например: Бардин Л. Н. Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С.3-7; Соловьева Т.В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформ судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С.6 -13 и др.

[6] Последний аспект, по причине многообразия существующих в научной литературе позиций, мы предполагаем рассмотреть в рамках отдельного исследования, являющегося логичным продолжением настоящей статьи.

соответствия различных упрощенных форм гражданского судопроизводства его целям (данный вопрос, наряду с иными оценочными категориями будет нами рассмотрен в очередном исследовании). Предлагаем свое видение указанных проблем в кратком изложении.

Главная отличительная черта гражданского судопроизводства состоит в том, что оно предоставляет сторонам **саму возможность** по защите своих законных прав и интересов, оставляя за ними принятие окончательного решения по её реализации. Понятно, что граждане, в силу различных причин, не всегда используют свое право на судебную защиту, а количество рассматриваемых судами исковых заявлений свидетельствует скорее о специфике социальной и экономической обстановки, складывающейся в определенный период времени в обществе. Именно поэтому здесь определение эффективности не может быть сопряжено с использованием каких-либо идеальных моделей судопроизводства, это принципиально важно. Например, в сфере уголовного судопроизводства такую модель можно гипотетически построить, если в качестве абсолютного результата принять 100% выявление преступлений и такое же количество лиц, их совершивших, с последующим привлечением их к уголовной ответственности. В целом схожая модель возможна и в сфере административного судопроизводства.

Из сказанного с очевидностью следует, что степень эффективности гражданского судопроизводства должна определяться, прежде всего, увеличением его доступности, прежде всего, для рядовых граждан[7]. Этот процесс должен быть взаимосвязан, например, с расширением перечня категорий граждан, случаев, а также органов, оказывающих бесплатную юридическую помощь[8], опубликованием в центральной печати алгоритмов порядка защиты своих прав, вплоть до типовых вариантов исковых заявлений. Последняя мера позволила бы гражданам самостоятельно

---

[7] См.: Юдина Ю. В. Доступность правосудия: от идеи – реалиям // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 7-11.

[8] Речь идет о расширении положений ст. ст. 15 и 20 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011г. № 324-ФЗ.

отстаивать свои права в простых ситуациях, не требующих обязательной помощи профессиональных юристов. Мы также не можем согласиться с весьма популярной в десятые годы текущего столетия точкой зрения, которую наиболее точно высказал один из её сторонников: «Чем шире открываются двери в суд и чем больше поступает дел, тем меньшее их число можно разрешить при точном соблюдении процедуры, в разумные сроки и с наименьшими затратами»[9]. Если это и отражает реальное положение вещей, то так быть не должно. Деятельность судов должна адоптироваться к возрастающим потребностям отдельных граждан и общества в целом по судебному разрешению возникающих споров. Например, в ближайшее время легко предположить рост споров экономической направленности в связи с выделением значительных финансовых средств в рамках реализации национальных проектов (всего 900 млрд. руб. на период до 2024 года)[10]. Совершенствование судебной системы в качестве одной из основных целей как раз предполагает прогнозирование возрастания нагрузки на судей и принятие мер к её реальному снижению. Речь здесь идет, прежде всего, об освобождении судей от несвойственных им хозяйственных и организационных полномочий, расширении функций помощников судов, внедрению соответствующих информационных технологий[11]. Все это вселяет достаточный оптимизм в части перспектив гражданского судопроизводства в целом.

Однако, обращает на себя внимание и другая сторона рассматриваемого вопроса. Расширение доступности правосудия во многих исследованиях последнего времени необоснованно сводится **преимущественно или только** к применению передовых информационных технологий. Для этого используется устоявшийся термин «электронное

---

[9] См.: Аболонин В.О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 43.

[10] См. об этом: Что в проектах / Четыре приоритета экономики. Российская газета. 28.02.2019. № 45.

[11] См.: Фемида в новом формате / Президент Владимир Путин рассказал о планах судебной реформы. Российская газета. 24.01.2018. № 14.

правосудие», который нам представляется не совсем удачным[12]. Более того, его использование в ряде случаев воспринимается как своеобразная альтернатива процессу совершенствования всего гражданского процессуального законодательства[13].

По нашему убеждению, использование технологических новшеств создает **оптимальные условия** для функционирования системы правосудия, экономя время и организационные затраты, но никоим образом не меняет сущности, цели и принципов гражданского судопроизводства. Именно поэтому говорить об «электронном» правосудии или судопроизводстве не корректно.

Например, подача искового заявления по Интернету и утвердившаяся практика использования видеоконференцсвязи (ВКС) для дистанционного рассмотрения дела действительно существенно облегчают прохождение соответствующих этапов гражданского судопроизводства. Но в первом случае этим определяется возможная альтернативная форма заявления, а не его содержание (требования ст.131-132 ГПК РФ), а во втором - форма участия в судебном заседании, без изменения каких-либо правил его проведения (положения глав 15, 39 и 41 ГПК РФ). Что же касается использования электронных документов в процессе обоснования своих требований (и / или возражения на них) сторонами, то в этом случае они действительно являются отдельным, специфическим видом доказательств по делу, но не более.

В рамках **второго** аспекта заслуживают критического анализа формально-логические критерии в подходе к оценке эффективности

---

[12] См. об этом, например: Алексеев А. А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе //Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С.12-16; Балашов А. Н., Ефремова Н. Г. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С.8-12.

[13] См.: Грегер Р. Судья как Интернет – серфер. Выяснение обстоятельств дела в Интернете // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 161- 173; Смагина Е. С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 51-59.

гражданского судопроизводства. Речь идет, прежде всего, о величинах, долях отмененных судебных постановлений. Приведем типичную позицию только одного из авторов: «Первый показатель эффективности, связанный с восстановлением нарушенного права, является более или менее измеримым, поскольку его можно вычислить, используя для этого как статистические данные об отмене и изменении постановлений вышестоящими судебными инстанциями, а также об общем числе обжалуемых решений, так и, например, данные об исполнении судебных актов»[14]. Придерживаясь подобной логики, в конечном итоге можно прийти к выводу о том, что все вышестоящие инстанции существуют исключительно для исправления ошибок, допущенных нижестоящими инстанциями. Но это противоречит задачам и принципам гражданского судопроизводства, да и здравому смыслу в целом. Если же придерживаться верной позиции, отраженной в законе, то очевидно, что судебные постановления нижестоящих инстанций могут быть отменены в силу **иной правовой оценки** материалов дела и, прежде всего, доказательств, предъявленных сторонами. В настоящее же время, с возможностью обязательного и полного пересмотра дела в кассационной инстанции, реально возникновение ситуаций, в которых изначально принятое решение в той или иной мере изменялось дважды. Тогда возникает вопрос об оценке эффективности действий уже обоих нижестоящих судов, кто из них и в какой степени был неправ. Правовая абсурдность здесь налицо. Однако данная ситуация тупиковой вовсе не является. Её разрешение с методических позиций не представляет особых сложностей, поскольку анализу со стороны судейского сообщества, общества и государства должны подлежать массивы дел, достаточные по своим объемам для **выявления четких тенденций в сфере судопроизводства.** Для опытных судей всегда будет очевидна разница между случаями, когда отмена или изменение судебного постановления вызвана сложностями правовых оценок предмета

[14] См.: Сухорукова О. А. Критерий процессуальной справедливости в оценке эффективности гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 11. С. 3-7.

судебного разбирательства или недостатками, предвзятым отношением к работе конкретных судей (судов)[15]. Например, весьма различной будет оценка выносимых конкретными судами решений при отсутствии или наличии руководящих разъяснений Верховного суда РФ и материалов обобщенной судебной практики по соответствующим вопросам.

Критичное отношение будет обоснованным и в части оценки результатов различного рода социологических исследований, направленных на выяснение отношения граждан к судебной системе и эффективности правосудия. Понятно, что здесь всегда преобладает субъективный оценочный фактор, а результаты исследований будут существенно разниться в зависимости от контингента интервьюированных лиц, в зависимости от того, насколько они остались довольны результатами рассмотрения конкретных дел с их участием (в отношении их родных, близких[16]). Поэтому определение эффективности гражданского судопроизводства в процентных или долевых соотношениях по отношению к каким-либо моделям (порядкам, системам) не представляется возможным в силу очевидной их искусственности, а должно производиться на основе выявления и последующего анализа существенных тенденций правоприменительной практики.

В рамках **третьего** аспекта обратим внимание на четко обозначившуюся в последнее время тенденцию по определению эффективности всех видов судопроизводства на основании анализа качества **отдельных** процессуальных институтов, например, полномочий лиц, участвующих в деле, доказательств, процессуальных сроков и др. Но особое место при этом отводится упрощенным формам судопроизводства, в нашем случае – приказному производству (глава 11 ГПК РФ), которое

---

[15] См. об этом, например: Дегтярев С. Л. Вопросы ответственности судебной власти за некачественное отправление правосудия в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. С. 78-85.

[16] Мы не ставим под сомнение полезность подобного рода исследований, но их значимость должна оцениваться только с позиции социологии или иных общественных наук.

рассматривается в качестве своеобразного «слабого звена» всего гражданского процесса. Такой повод не лишен определенного смысла, если иметь в виду масштабы его применения и ущерб, причиняемый гражданам в результате противоправного использования указанного процессуального института[17]. Однако является ошибочным смешение двух проблем, а именно: недостатков правового регулирования приказного производства и их использование при совершении новых видов мошенничеств. Во втором случае необходимо применение соответствующих мер уголовного преследования, но не сомнения в объективной необходимости внедрения новых прогрессивных форм судопроизводства, которые в свое время позволили хоть немного снизить запредельную нагрузку на суды. Что же касается конкретных мер по устранению допущенных недостатков в плане защиты прав должника в рамках самого ГПК РФ, то они, во многом, были реализованы в октябре 2019 г., этот процесс продолжится и впредь. Принципиально важным будет отметить, что указанные меры как раз и основывались на жесткой реализации принципов гражданского судопроизводства – равенстве всех перед законом и судом, гласности судебного разбирательства и равноправия сторон (ст. 6, 10, 12 ГПК РФ). Верным будет и обратное утверждение: ранее допущенные ошибки были обусловлены недостаточным учетом тех же принципов.

Таким образом, исправление периодически допускаемых недостатков в сфере гражданского судопроизводства является **заслугой его системы в целом**, о чем мы говорили изначально. Именно поэтому можно говорить об имеющихся системных возможностях, которые позволят сводить к минимуму недостатки в разрабатываемом процессуальном законодательстве и оперативно устранять их в действующих нормах закона.

---

[17] Дело доходит до детального обсуждения указанных проблем в федеральных средствах массовой информации. См, например: Долг по липовой расписке. Новый вид мошенничества грозит проблемами каждому россиянину // Российская газета. 23.06.2019. № 133; Кому дан приказ. Мошенники научились использовать в своих интересах всю мощь судебной системы // Российская газета. 09.10.2019. № 227.

Список цитируемой литературы

1. Аболонин В.О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11;
2. Алексеев А. А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе //Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2;
3. Бардин Л. Н. Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11;
4. Балашов А.Н., Ефремова Н. Г. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8;
5. Грегер Р. Судья как Интернет – серфер. Выяснение обстоятельств дела в Интернете // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4;
6. Дегтярев С. Л. Вопросы ответственности судебной власти за некачественное отправление правосудия в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2;
7. Соловьева Т. В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформ судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6;
8. Смагина Е. С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1;
9. Сухорукова О. А. Критерий процессуальной справедливости в оценке эффективности гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. №11;
10. Юдина Ю. В. Доступность правосудия: от идеи – реалиям // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Гелиева Ирина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5654-8671

Гриценко Дарья Витальевна
магистрант юридического факультета им. А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Problems of the legal status of a judicial representative in the civil process

Аннотация: Институт судебного представительства обеспечивает реализацию конституционного права каждого на судебную защиту. В условиях увеличения значения института судебного представительства в гражданском процессе остаются неурегулированными вопросы относительно правового статуса судебного представителя. В научной статье изложены проблемы, связанные с местом судебного представителя среди других участников гражданского процесса.

© Гелиева И. Н., Гриценко Д. В. 2021.

Ключевые слова: институт судебного представительства, судебный представитель, правовой статус судебного представителя.

Abstract: The institution of judicial representation ensures the implementation of everyone's constitutional right to judicial protection. In the context of the growing importance of the institution of judicial representation in civil proceedings, questions regarding the legal status of a judicial representative remain unresolved. The scientific article outlines the problems associated with the place of a judicial representative among other participants in the civil process.

Keywords: institution of legal representation, legal representative, legal status of legal representative.

Институт судебного представительства является эффективным средством по реализации прав каждого на судебную защиту, а также гарантом соблюдения принципов законности, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон. Роль судебного представительства в современном гражданском процессе значительна возросла. Данное обстоятельство связано, главным образом, с тем, что в условиях появления новых потребностей в обществе, появляются новые категории дел, которые требуют при рассмотрении и разрешении определенную квалификацию.

Несмотря на широкое распространение в теории и на практике указанного института, правовой статус судебного представителя не получил полное законодательное регулирование.

В науке гражданского процессуального права существует дискуссионный вопрос относительно процессуального положения представителя в гражданском процессе. Одни ученые-процессуалисты рассматривают представителя как самостоятельного участника процесса, другие – как лицо, участвующее в деле, третьи – как лицо, содействующее осуществлению правосудия.

Представитель первой позиции Р. А. Сидоров отмечает, что судебный представитель является самостоятельным участником гражданского

судопроизводства. Его процессуальное положение считается сложным: представитель одновременно выступает и как лицо, реализующее данные ему полномочия, и как носитель самостоятельных процессуальных прав и обязанностей, поэтому он не может относится ни к лицам, участвующим в деле, ни к лицам, содействующим осуществлению правосудия, и при этом судебное представительство призвано гарантировать конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи[1].

Заслуживает внимания мнение Т. В. Сахновой, которая отмечает, что судебный представитель, будучи самостоятельным субъектом гражданского процесса, выполняет функцию содействия в судебной защите стороне или третьему лицу, но не функцию содействия правосудию; представитель действует в интересах представляемого, но не суда и не правосудия[2].

Сторонником второго подхода является В. Н. Щеглов, который относит представителя к лицам, участвующим в деле, но при отсутствии у него самостоятельных прав и обязанностей[3]. Баловнева В. И., Баловнев Д. О. утверждают, что, исходя из правовой природы представителя, он относится к группе лиц, участвующих в деле, поскольку в пределах своих полномочий представитель стремится добиться в процессе определенного благоприятного правового результата в пользу представляемого[4].

И.В. Решетникова придерживается третьей позиции относительно процессуального положения представителя в гражданском процессе и

---

[1] Сидоров Р. А. Представительство в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003. С. 8.

[2] Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784с.

[3] Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. М.: Правоведение, 1999. 316 с.

[4] Баловнева В. И., Баловнев Д.О. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути решения // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 53–55.

приравнивает его к лицу, содействующему осуществлению правосудия, исходя из объема прав и обязанностей, характера деятельности[5].

Для того чтобы сделать вывод относительно места судебного представителя в гражданском процессе, необходимо рассмотреть признаки лиц, участвующих в деле.

Первым признаком, отграничивающим лиц, участвующих в деле и лиц, содействующих осуществлению правосудия, является юридический интерес. Судебный представитель, участвуя в гражданском деле, осуществляет свою деятельность в целях достижения благоприятного результата для представляемого. Исходя из этого, представитель не является носителем материального интереса, поскольку его заинтересованность в деле имеет юридический характер и происходит из договора или закона.

Второй признак лиц, участвующих в деле - существование права на совершение процессуальных действий от своего имени. Согласно ч. 1 ст. 54 ГПК РФ представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия[6].

Третьим признаком лиц, участвующих в деле является наличие права на волеизъявление. Это означает, что в силу принципа диспозитивности лица, участвующие в деле, могут совершать все процессуальные действия, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. Что касается судебного представителя, то согласно ч.1. ст. 54 ГПК РФ представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия, однако право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу

---

[5] Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданский процесс. 7-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 304 с.

[6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Парламентская газета, 2002. №220–221.

полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом.

Еще одним признаком лиц, участвующих в деле является распространение на них законной силы судебного решения, то есть наступление правовых последствий на указанных лиц после вступления решения суда в законную силу.

Таким образом, учитывая перечисленные признаки лиц, участвующих в деле, нельзя однозначно утверждать, что представитель относится к группе лиц, участвующих в деле, поскольку его процессуальный статус имеет определенные особенности.

Что касается группы лиц, содействующих осуществлению правосудия, то указанные лица не имеют материально-правовой интерес в деле, участвуют в процессе только по волеизъявлению других лиц и в своей деятельности не преследуют цели защитить свои права. Тем не менее, отнесение судебного представителя к лицам, содействующим осуществлению правосудия, вызывает сомнения, поскольку представитель не выполняет в процессе содействующую функцию, указанное лицо действует в интересах и от имени представляемого для защиты его прав.

В п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. №11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» указано, что с учетом конкретных обстоятельств дела судья разрешает вопрос о составе лиц, участвующих в деле, то есть о сторонах, третьих лицах - по делам, рассматриваемым в порядке искового производства; заявителях, заинтересованных лицах - по делам особого производства и по делам, вытекающим из публичных правоотношений, а также об участниках, содействующих рассмотрению дела, - представителях сторон и третьих лиц, экспертах, специалистах, переводчиках, свидетелях. Учитывая данное положение, можно сделать вывод, что Пленум Верховного

Суда РФ относит представителей сторон и третьих лиц к группе участников, содействующих рассмотрению дела, вместе с экспертами, специалистами, переводчиками и свидетелями.

Однако правовой статус судебного представителя имеет существенные отличия от указанных в данной группе лиц. Так, например, в отличие от переводчика и эксперта, к представителю не может быть предъявлен отвод, поскольку представитель имеет процессуальный интерес, связанный с защитой прав представляемого. В случаях, предусмотренных законодательством, лица, содействующие осуществлению правосудия, могут быть привлечены к ответственности за неисполнение возложенных на них обязанностей. Так, в ч.1 ст.176 ГПК РФ указано, что до допроса свидетеля председательствующий устанавливает его личность, разъясняет ему права и обязанности свидетеля и предупреждает об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Гражданское процессуальное законодательство не содержит норм об ответственности представителя за заведомо ложные объяснения суду. Представитель может быть привлечен к ответственности, например, за фальсификацию доказательств.

Стоит отметить, что некоторые ученые считают, что невозможно определить место судебного представителя в процессе, поскольку он не может быть отнесен к тем группам, которые закреплены в Гражданском процессуальном кодексе РФ. Так, И. А. Табак утверждает, что необходимо ввести отдельное название группы — «участники судопроизводства, выступающие в защиту прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в деле», в которым будут относиться прокурор, лица, обратившиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями

4, 46, 47 ГПК РФ, судебные представители. Основным признаком указанных лиц является процессуальная юридическая заинтересованность в деле[7].

Следует подчеркнуть, что Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобренная решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 №124(1) предлагает решение вопроса о месте судебного представителя в гражданском процессе[8]. Пункт 4.3 указанной Концепции закрепляет, что в Кодексе также должна быть статья о представителе как ином участнике процесса, действующем по правилам, предусмотренным главой о представительстве. Таким образом, разработчиками Концепции предлагается урегулировать на законодательном уровне место представителя, отнеся его к иным участникам гражданского процесса.

Кроме того, опровергается положение, существовавшее в советской теории гражданского процесса, согласно которой представитель относится к лицам, участвующим в деле. Действия представителя в процессе регулируются не материально-правовым, а процессуально-правовым законом, что и дает возможность участвовать представителю наряду со стороной или другим лицом. Вместе с тем, объем процессуальных правомочий представителя определяется доверенностью, выданной доверителем, который вправе ограничивать процессуальные права представителя.

Пункт 4.4. Концепции закрепляет, что представитель действует в процессе наряду с представляемыми им лицами, участвующими в деле, не входя, тем не менее, в их круг; он не лицо, участвующее в деле, а иной

---

[7] Табак И. А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. канд . юрид . наук. Саратов, 2006.

[8] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 №124(1)) // СПС «КонсультантПлюс».

участник процесса с соответствующим объемом процессуальных прав, устанавливаемых доверителем.

Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие нормы о процессуальном статусе судебного представителя в гражданском процессе приводит к дискуссии относительно места судебного представителя в гражданском процессе. Несмотря на огромное количество теорий, существующих в юридической литературе, нельзя однозначно сказать, что представитель – это лицо, участвующее в деле, или лицо, содействующее осуществлению правосудия. Считаем, что представитель является самостоятельным участником гражданского процесса, поскольку осуществляет функцию защиты прав представляемого, его интерес в деле носит юридический характер и объем полномочий может быть ограничен доверителем (кроме случаев участия адвоката по назначению, когда его полномочия определяют законом – ст.50 ГПК РФ). Введение в Гражданский процессуальный кодекс нормы, дающей определение судебного представителя или раскрывающей правовой статус представителя в гражданском процессе, позволит решить данную проблему.

Список цитируемой литературы

1. Баловнева В. И., Баловнев Д. О. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути решения // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016.
2. Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданский процесс. 7-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2016.
3. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.
4. Сидоров Р. А. Представительство в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003.

5. Табак И. А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2006;

6. Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. М.: Правоведение, 1999.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.941

Даниелян Армен Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0661-9010

Коновалова Анжела Николаевна
магистрант юридического факультета им. А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

To the question of the legal nature of electronic evidence in the context of the civil procedure and arbitration procedure

***Аннотация*:** В работе проводится исследование сущности электронных доказательств в цивилистическом процессе, их места и роли в современной системе средств доказывания в отечественной правовой мысли, законодательстве и судебной практики.

© Даниелян А. С., Коновалова А. Н. 2021.

Автором делается вывод о возможности выделения электронных доказательств в качестве самостоятельных средств доказывания.

***Ключевые слова*:** доказывание, доказательства, электронные доказательства, цивилистический процесс, электронный документ, оценка доказательств

***Abstract*:** The article investigates the essence of electronic evidence in the civil process, their place and role in the modern system of evidence in domestic legal thought, law and judicial practice. The author concludes that it is possible to isolate electronic evidence as independent means of proof.

***Keywords*:** proof, evidence, electronic evidence, civil process, electronic document, assessment of evidence

В рамках цивилистического процесса многие десятилетия ведётся спор между учеными-правоведами о юридической природе и содержании актуальных на сегодняшний период развития общества источников информации в качестве инструментов для сбора данных, необходимых для разрешения правового спора в судебном порядке, т.е. доказательств. Не способствовало приходу к консенсусу в научной среде и закрепление в действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации РФ (далее – ГПК РФ)[1] нормы, причисляющей отдельные источники информации (в частности, видеозапись и аудиозапись) к перечню самостоятельных средств доказывания.

Логическим итогом возрастающего влияния информатизации на общественные отношения явилось формирования электронных доказательств, практическая реализация которых находит выражение и в правоприменительной деятельности судебных органов. На сегодняшний день аксиоматичным является тот факт, что субъекты процессуальных правоотношений всё в большей степени встречаются с ними и, исходя из этого, созрела потребность в законодательном закреплении данных способов получения информации и признания за ними

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

статуса самостоятельных средств доказывания. При этом стоит отметить, что в данный момент не решен вопрос ни о легальной дефиниции «электронных доказательств» и, соответственно, их видов, ни о критериях и требованиях, которым они должны соответствовать, что вкупе формирует проблематику их реализации в рамках правоприменительной практики.

В рамках процессуальных отраслей законодательства перечень видов средств доказывания между собой разнится. Так, с одной стороны, в гражданском судопроизводстве перечень средств доказывания имеет закрытый характер, и вбирает в себя объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ). Однако в правовой доктрине выражается позиция, сводящаяся к возможности рассмотрения данного перечня сквозь призму расширительного толкования[2].

С другой стороны, арбитражным судопроизводством закреплен открытый перечень средств доказывания, в который включены, помимо перечисленных выше, консультации специалистов и иные документы и материалы (ч. 2 ст. 64 АПК РФ).

По нашему мнению, подход применимый в арбитражном процессе в большей степени отвечает веяниям общества в целом, а также устойчиво наметившимся тенденциям развития российской судебной системы, направленных в русло цифровизации и диджитализации судопроизводства и становлению электронного правосудия в качестве основного, а не вспомогательного фактора при рассмотрении и разрешении дел. В свою очередь дальнейшая перспектива развития гражданского судопроизводства лежит в плоскости принятия цифровых технологий и мимикрирования в информационную среду, в том числе посредством использования электронных доказательств.

В настоящее время в суды общей юрисдикции и арбитражные суды могут

---

[2] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. М.А. Викут. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

быть поданы в электронном формате исковое заявление и другие документы процессуального свойства при помощи информационных систем ГАС "Правосудие" и "Мой арбитр"[3], судебные заседания могут проводиться с помощью использования систем видеоконференц-связи (ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 153.1 АПК РФ), аудиопротоколирование в арбитражном процессе является основным средством фиксации хода судебного заседания (ст. 155 АПК РФ), в гражданском процессе на факт использования средств аудиозаписи для фиксирования хода разбирательства указывается в письменном протоколе (ст. 230 ГПК РФ).

Стоит подчеркнуть, что в российском процессуальном законодательстве в настоящее время остро стоит вопрос определения процессуального статуса электронных доказательств в системе других средств доказывания, и в этой связи, как отмечается в доктрине, необходимо решить следующие задачи[4]:

1) дифференцировать сведения, приобретенные посредством электронного доказательства (сведений о факте) и электронного (цифрового) источника – носителя такой информации, и исходя из этого устанавливать структуру электронного доказательства[5] в каждом конкретном случае;

2) выделение специальных видов электронных доказательств, влияющих на порядок их получения, обеспечения, представления, исследования, в том числе посредством их аутентификации и идентификации;

3) установить в процессуальном законодательстве единые, унифицированные правила доказывания применительно к электронным

---

[3] Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2; Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 252 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

[4] Зарубина М.Н., Павлов А.А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 205-222.

[5] Лаевская А.В. Электронные доказательства в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2017. С. 4.

доказательствам в рамках ГПК РФ и АПК РФ.

Анализ судебной практики позволяет говорить о существенном увеличении количества гражданских дел, рассматриваемых и разрешаемых при помощи применения электронных доказательств[6].

Исследование юридической литературы по заявленной проблематике приводит нас к выделению следующих подходов в данной области:

1) письменные доказательства выступают как форма выражения (закрепления) современных источников информации и результатом полученной ими информации. Вдобавок апологеты данной концепции высказывают предложения о рокировки понятия «письменные доказательства» в «документальные доказательства» так как в срезе законодательства именно через категорию «документ» проходит уяснение природы данного средства доказывания[7];

2) электронные доказательства – самостоятельные средства доказывания[8];

3) документы, полученные посредством использования средств компьютерной техники не являются отдельными средствами доказывания[9].

Сравнительно-правовой анализ европейских правопорядков свидетельствует о наличии в странах Старого Света трех групп электронных доказательств, которые представляются в суд.

---

[6] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 // СПС «КонсультантПлюс»; О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // СПС «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 4, 14-15.

[8] Балашов А.Н., Балашова И.Н. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Администратор суда. 2015. № 3. С. 23-29; Шкурова П.Д. Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском и административном судопроизводстве // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 58-68.

[9] Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2005. С. 4-5.

Первая группа – сведения, размещенные на общедоступных Интернет-ресурсах и в социальных сетях, в том числе мультимедиа и текстовые сообщения.

Вторая группа – сведения, доступ к которым ограничен: электронная переписка, электронные документы.

Третья группа – предполагаемые идентификационные данные пользователя и сведения о трафике, которые используются для идентификации человека путем определения источника сообщения, но не содержания[10]. В российском законодательстве приведенная градация не применяется, однако ее значимость для отечественной правовой доктрины заключается в возможности разделять электронные доказательства исходя из критерия их доступности – на свободные и ограниченные в доступе.

При изучении места и роли электронных доказательств в системе правосудия по гражданским делам необходимым является уяснения вопроса о правилах и критериях их оценки.

Так, в частности, при оценке электронных документов, представленных в качестве доказательств, должно учитываться следующее:

– надежность способа, с помощью которого подготавливалось, хранилось или передавалось электронное сообщение.

– надежность способа, при помощи которого обеспечивалась целостность информации;

– надежность способа, при помощи которого идентифицировался его составитель;

– правильность способа фиксации информации, ведь закрепление информации на современном источнике может отражаться на достоверности данного электронного доказательства[11].

Кроме вышеизложенного в гражданской процессуальной литературе

---

[10] Mason S., Rasmussen U. The Use of Electronic Evidence in Civil and Administrative Law Proceedings and Its Effect on the Rules of Evidence and Modes of Proof: A Comparative Study and Analysis. Strasbourg, 27 July 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rm.coe.int/1680700298 (дата обращения: 08.04.2021).

[11] Горелов М.В. Указ. соч. С. 19-20.

обосновывается выделение следующих условий допустимости электронных доказательств:

1. Доступность в понимании.

2. Возможность идентификации его автора, которая может осуществляться с помощью электронно-цифровой подписи, возможность которой осуществима только в случае, когда установлена подлинность электронно-цифровой подписи.

3. Соблюдение условий, гарантирующих целостность документа, которые зависят от особенности создания, хранения, передачи по каналам связи электронного документа.

4. Контролепригодность – возможность проведения контроля достоверности электронного документа. Данное свойство раскрывает суду особенности источника фиксации информации, способствует упрощению деятельности по исследованию электронных доказательств.

Некоторые авторы придерживаются мнения о том, что допустимость электронных доказательств нельзя ставить в зависимость от возможности установления их достоверности, равно как и возлагать бремя подтверждения достоверности на лицо, представляющее электронное доказательство[12].

В отечественной судебной практике указывается, что в целях установления достоверности электронного доказательства в предмет доказывания входят следующие факты: идентификация отправителя и получателя; установление полномочий отправителя и получателя на принятие соответствующих решений, составляющих предмет электронной переписки; установление аутентичного непосредственного электронного сообщения[13]. В целом же, проблема проверки достоверности электронного доказательства по-прежнему является наиболее важной в сложной организации «электронного правосудия»[14]. Это является следствием того, что информация, содержащаяся в документах, изготовленных с

---

[12] Лаевская А.В. Указ. соч. С. 18.

[13] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 11 июля 2016 г. по делу № А40-30919/2016 [Электронный ресурс] / Электронное правосудие. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/e4eeb687-0da6-45b3-888a-4bb5efea7eb5 (дата обращения: 07.04.2021).

[14] Терехова Л.А. Информационные технологии в практике арбитражных судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 34-42.

использованием цифровых технологий, не статична и подвержена изменениям, равно как и восприятие фактов дела зависит от многих субъективных и объективных причин[15].

Проблема установления достоверности электронного доказательства в ряде случаев может решаться посредством института нотариальной фиксации доказательств.

Право нотариуса осуществлять обеспечение доказательств предусмотрено гл. XX Основ законодательства РФ о нотариате[16]. Согласно п. 5 ст. 69 АПК РФ обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в установленном порядке или если нотариальный акт не был отменен. Аналогичная норма содержится в п. 5 ст. 61 ГПК РФ.

В результате осмотра доказательства нотариус может установить владельца сайта и указать в протоколе сведения о принадлежности доменного имени информационного ресурса. Так, например, при разрешении гражданского дела арбитражный суд исследовал протоколы осмотра доказательств и страницы сайта организации в сети Интернет, пришел к выводам о принадлежности доменного имени истцу, о наличии полномочий у лиц, осуществлявших электронную переписку от имени организации[17].

Необходимым условием осмотра доказательств нотариусом является необходимость обеспечения доступа нотариуса к информационному ресурсу. Нотариус также может осуществить трассировку, т.е. проверить соответствие адреса сайта его IP-адресу, что позволяет установить отображение браузером страниц подлинного сайта. Кроме того, нотариус может зафиксировать

---

[15] Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 199.

[16] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993г. № 4462-1) // Российская газета. 1993. № 49.

[17] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 июня 2017 г. по делу № А32-7123/2016 [Электронный ресурс] / Электронное правосудие. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/3fb3c1d9-d800-4863-918e-0257eb1a60f7 (дата обращения: 07.04.2021).

содержание конкретного интернет-сайта, т.е. установить размещение на сайте информации в момент совершения осмотра[18]. Также нотариус вправе осуществлять осмотр электронной почты и удостоверять содержание электронной переписки. Вместе с тем нотариус не может подтвердить факт принадлежности адреса электронной почты тому или иному лицу.

Как показывает судебная практика, электронное доказательство с точки зрения его допустимости и достоверности должно обладать по крайней мере такими свойствами, как доступность в понимании информации, возможность идентификации ее автора, соблюдение условий, гарантирующих ее целостность[19]. В свою очередь, к числу общедоступных электронных доказательств относятся сведения, размещенные на общедоступных интернет-сайтах (включая социальные сети), открытые государственные данные и информация, размещенная в сетевых СМИ[20].

Общим признаком, свидетельствующим о допустимости и достоверности электронных доказательств, предлагается считать возможность идентификации автора, от которого исходит электронное доказательство[21].

По итогам проведенного исследования можно сделать однозначный вывод об отличии сущности электронных доказательств от правовой природы иных средств доказывания, в частности, письменных и вещественных доказательств. В свою очередь, вышеизложенный факт приводит к необходимости проработки возможности законодательного закрепления электронных доказательств как самостоятельных средств доказывания. В рамках разработки данного вопроса предлагается:

– закрепить легальную дефиницию понятия «электронные

---

[18] Бегичев А.В. Электронные доказательства и способы их фиксации нотариусом // Нотариус. 2014. № 5. С. 3-9.

[19] Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 29-30.

[20] Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 65.

[21] Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 81-90.

доказательства» путем введения соответствующих статей в Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 71^1) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 75^1);

– установить критерии признания соответствующей информации в качестве электронного доказательства;

– в рамках процессуальных кодексов закрепить перечень видов электронных доказательств;

– проработать возможность обязательного привлечения специалиста в качестве лица, содействующего исследованию электронных доказательств.

В конечном счете, вышеизложенное поспособствует унификации судебной практики[22] и позволит обеспечить более эффективную защиту и восстановление нарушенных прав и законных интересов субъектов правоотношений.

Список цитируемой литературы

1. Mason S., Rasmussen U. The Use of Electronic Evidence in Civil and Administrative Law Proceedings and Its Effect on the Rules of Evidence and Modes of Proof: A Comparative Study and Analysis. Strasbourg, 27 July 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rm.coe.int/1680700298

2. Балашов А.Н., Балашова И.Н. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Администратор суда. 2015. № 3.

3. Бегичев А.В. Электронные доказательства и способы их фиксации нотариусом // Нотариус. 2014. № 5.

4. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2005.

5. Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2.

[22] Котлярова В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 37-42.

6. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

7. Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.

8. Зарубина М.Н., Павлов А.А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.

9. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. М.А. Викут. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

10. Котлярова В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6.

11. Лаевская А.В. Электронные доказательства в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2017.

12. Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

13. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4.

14. Терехова Л.А. Информационные технологии в практике арбитражных судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6.

15. Шкурова П.Д. Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском и административном судопроизводстве // Юридические исследования. 2017. № 8.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.1

Кириенко Андрей Александрович
аспирант кафедры гражданского права,
юридический факультет им. А. А. Хмырова
Кубанский государственный университет

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Compensation for non-pecuniary damage as a way to protect personal non-property rights of citizens

***Аннотация*:** Статья посвящена компенсации морального вреда как способу защиты гражданских прав и как форме гражданско-правовой ответственности. Отраженная в статье терминологическая дискуссия привела автора к выводу, что при определения содержания морального вреда необходимо использование формулировок «физические страдания» и «психоэмоциональные потрясения», где в первом случае это материальная составляющая, которая легко идентифицируется и может быть предъявлена на обозрение третьим лицам в различных доступных человеку формах восприятия информации, в том числе для оценки в различных целях, а во втором – нематериальная, неосязаемая часть, проявляющаяся у каждого

© Кириенко А. А. 2021.

индивида по своему сценарию с учетом сложившихся установок относительно окружающего мира и своего места в нем.

***Ключевые слова**:* личные неимущественные права, нематериальные блага, компенсация морального вреда, способы защиты гражданских прав, гражданско-правовая ответственность, психоэмоциональные потрясения.

Abstract: The article is devoted to compensation for non-pecuniary damage as a way of protecting civil rights and as a form of civil liability. The terminological discussion reflected in the article led the author to the conclusion that when determining the content of moral harm, it is necessary to use the phrases "physical suffering" and "psychoemotional shocks", where in the first case it is a material component that is easily identified and can be presented to third parties in various forms of perception of information available to a person, including for evaluation for various purposes, and in the second case – an immaterial, intangible part that manifests itself in each individual according to his own scenario, taking into account the established attitudes about the world around him and his place in it.

Keywords: personal non-property rights, intangible benefits, compensation for moral damage, ways to protect civil rights, civil liability, psychoemotional shocks.

Мы разделяем высказанный в юридической литературе подход о том, что личные неимущественные права – это субъективные гражданские абсолютные права, принадлежащие исключительно управомоченным субъектам - физическим лицам (гражданам), носящие личный, неимущественный, неотчуждаемый и непередаваемый характер, возникающие по поводу благ, лишенных экономического содержания, и направленные на удовлетворение интереса (потребности) управомоченного, связанного с индивидуальностью его личности[1].

[1] См.: Потапенко С.В. Особенности гражданского иска в уголовном процессе о компенсации морального вреда, причиненного преступным нарушением личных неимущественных прав // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 56-63.

Действительно, испытывать «физические или нравственные страдания» может исключительно человек, гражданин, личность, но никак не юридические лица, которым моральный вред не может быть причинен и потому не компенсируется.

В основе личных неимущественных прав физических лиц лежит установленная законом система ценностей – нематериальных благ, являющихся объектами гражданского права. К ним относятся жизнь и здоровье , достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона (ч. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации[2] (далее – ГК РФ).

Базовая дефиниция морального вреда закреплена в ст. 151 ГК РФ, определяющая его как физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага.

При этом согласно п. 3 ст. 1099 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. Хотя моральный вред как последствие гражданско-правового деликта вполне сочетается с имущественным и физическим вредом.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 20.12.1994 № 10 ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» под моральным вредом предложено понимать нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС КонсультантПлюс.

рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина[3].

Сравнение содержания вышеуказанных определений показывает, что как с точки зрения законодателя, так и правоприменителя под моральным вредом понимаются физические и (или) нравственные страдания.

В толковом словаре Ожегова С. И. мораль определяется как нравственные нормы поведения, отношения с людьми, а также сама нравственность, логический, поучительный вывод из чего-нибудь либо нравоучение, наставление[4].

Редько Е. П. полагает, что термины «моральный» и «нравственный» являются синонимами, а потому «моральный вред» не охватывает физические страдания, а стало быть, данное понятие расходится с содержанием[5].

По мнению Трофимовой Г. А., нравственные страдания заключаются не только в наличии страдания от факта правонарушения, то есть посягательства на какое-либо из охраняемых законом благ, но и в связи с вызванными последствиями[6].

Эрделевский А. М. по этому поводу пишет, что с позиции современной цивилистической доктрины термин «моральный вред» как физические и нравственные страдания нельзя отнести к точным законодательным

---

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) "Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда"// СПС КонсультантПлюс.

[4] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Наука, 1998.

[5] Редько Е. П. Соотношение понятий «моральный» и «неимущественный» вред: теоретические и практические аспекты // Мировой судья. 2008. № 10. С. 21.

[6] Трофимова Г. А. Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 22 - 30.

дефинициям. Употребление слова «моральный» в обозначении рассматриваемого правового института достаточно одиозно[7]. Правильнее было бы вместо понятия «моральный вред» использовать понятие «психический вред», поскольку моральный вред выражается в негативных психических реакциях потерпевшего[8].

Малеина М. Н. пришла к выводу, что более удачно было бы использовать в законодательстве термин «неимущественный вред», поскольку «нравственный» и «моральный» выступают как синонимы[9].

На наш взгляд, при определения содержания морального вреда, представляется верным использование формулировок «физические страдания» и «психоэмоциональные потрясения», где в первом случае это материальная составляющая, которая легко идентифицируется и может быть предъявлена на обозрение третьим лицам в различных доступных человеку формах восприятия информации, в том числе для оценки в различных целях, а во втором – нематериальная, неосязаемая часть, проявляющаяся у каждого индивида по своему сценарию с учетом сложившихся установок относительно окружающего мира и своего места в нем. При этом наличие физических страданий априори влечет психоэмоциональные потрясения, тогда как наступление такого потрясения не всегда порождает какие-либо физические страдания. Таким образом, данные признаки морального вреда могут определять его как одновременно, так и самостоятельно, порознь.

Муковнин В.В. определяет физические страдания как чувства, ассоциирующиеся с физической болью и, как правило, возникающие при причинении вреда здоровью[10].

---

[7] Эрделевский А.М. Проблемы компенсации морального вреда в зарубежном и российском законодательстве и судебной практике // Государство и право. 1997. № 10. С. 22.

[8] Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 5.

[9] Малеина М.Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 103.

[10] Муковнин В.В. Физические страдания как признак морального вреда // Современное право. 2008. № 11.

Отдельные исследователи отмечают, что физические страдания – это чувство физического (физиологического) дискомфорта, выражающегося в боли и прочих неприятных явлениях физиологического характера (лихорадка, системные и несистемные головокружения и т.п.). Вызываются как причинением травм и заболеваниями, так и влиянием внешних негативных факторов отравляющего и иного вредоносного воздействия (например, высокая температура, ядовитые вещества и др.)[11].

Физические страдания, – пишет Будякова Т., – это негативные физические переживания, возникающие при неправомерном нарушении физической неприкосновенности человека[12].

Представляется, что под физическими страданиями следует понимать повреждение частей тела, органов и (или) систем человека, в результате непосредственного или опосредованного воздействия на них третьих лиц, а также создание таких условий жизнедеятельности человека, которые так или иначе изменяют общепризнаваемые показатели его обычного состояния здоровья (развитие хронических заболеваний, создание обстановки негативно сказывающейся на обычном течении жизни), которые уже наступили или наступают в конкретный момент времени.

Что же касается нравственных страданий, то в законодательстве также отсутствует их четкое определение, не имеется однозначного понимания этому в правоприменительной практике и в научной среде, из которых лишь можно сделать вывод, что это некие переживания.

Слесарев С. определяет нравственные страдания как чувство внутреннего психологического дискомфорта, переживания, которые приводят к ухудшению внутреннего и внешнего комфорта жизни, влияют на восприятие жизни. Они могут выражаться различным образом: страхом, волнением,

---

[11] Слесарев С. Моральный вред // СПС КонсультантПлюс. 2021.

[12] Будякова Т. Возмещение морального вреда жертвам преступлений // Законность. 2006. N 10. С. 56.

тревогой, раздражительностью, стыдом, подавленностью настроения и другие[13].

Также нравственные страдания могут проявляться в страхе, беспомощности, нравственных переживаниях, возникающих в связи с физической неполноценностью, утратой родственников, потерей работы, раскрытием врачебной тайны и прочем[14].

Нравственные страдания – это особая форма переживаний, относящихся к внутренней духовной сфере человека (это не просто волнение, обида, досада, а приобретенные в результате правонарушения изменения в психике пострадавшего). Это могут быть обстоятельства, повлиявшие на психическое состояние человека, которые потребовали определенных усилий со стороны самого потерпевшего либо вмешательства иных лиц (например, медицинских специалистов, для устранения последствий переживаний)[15].

Даль В.И. так определил слово «страдать» – биться, бороться, бедовать, мучиться, маяться; терпеть боль; скорбеть, тосковать, болеть душою, нравственно; терпеть убытки, терять, лишаться чего; приходить в упадок, быть под гнетом[16].

Романов В. отмечает: «Страдание, будучи чисто психологическим понятием, в настоящее время приобрело достаточно актуальное правовое значение, понимание и раскрытие сущности которого при рассмотрении целого ряда гражданско-правовых споров становится непременным условием юридически грамотного применения норм права»[17].

---

[13] Слесарев С. Моральный вред // СПС КонсультантПлюс. 2021.

[14] Габай П.Г., Карапетян Р.Ю. Компенсация морального вреда пострадавшим пациентам в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики // Юрист. 2017. № 20. С. 40 - 46.

[15] Цыганова О.А., Мартынов Е.А., Ившин И.В. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников за причинение вреда здоровью пациентов при осуществлении профессиональной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией Т.Г. Светличной. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2009. С. 151.

[16] Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. М., 1998. Т. 2.

[17] Романов В. О наших с вами страданиях // Домашний адвокат. 1996. № 2. С. 12.

Термин «страдание», рассмотренный в качестве неотъемлемого «компонента» института морального вреда, приобрел теперь правовой характер, т.е. страдание как психологическое понятие будет нести правовую нагрузку лишь тогда, когда суд установит и вынесет решение, что эти страдания являются следствием действия обязанного лица. В иных обстоятельствах страдания как психологические понятия не могут нести юридическую нагрузку, а значит, не будут являться юридическим фактом[18].

Из анализа приведенных выше определений нравственных страданий и иных встречающихся в юридической науке дефиниций данного явления напрашивается однозначный вывод, что все связанные с ними процессы-результат функционирования психики человека, непрерывно формируемой на протяжении всей его жизни под воздействием множества факторов (национальный, половой, социальный, материальный и другие), в связи с чем, на наш взгляд, словосочетание «психоэмоциональное потрясение» было бы более точным признаком морального вреда, а также позволило бы исключить ситуацию, при которой значение термина объясняется фактически его синонимом. Таким образом, под психоэмоциональным потрясением предлагается понимать обратимые или устойчивые отклонения от врожденных и приобретенных психикой человека установок об окружающем мире, его месте в конкретном обществе, а также устоявшихся знаниях о присущих людям на протяжении своей жизнедеятельности чертах и свойствах, возникающие в результате их взаимодействия.

Одновременно в порядке сравнения нельзя не отметить, что британское общее право не допускает возмещение ущерба за оскорбленные чувства и душевные страдания, исходя из того, что душевную боль и беспокойство закон не может оценить. Вместе с тем английское право разрешает возмещение за психическое расстройство, но только в тех случаях, когда было совершено

---

[18] Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958; Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992.

какое-либо другое признанное нарушение, повлекшее за собой душевную боль и беспокойство[19].

Компенсация морального вреда является основным гражданско-правовым способом защиты личных неимущественных прав граждан. Обязательства по компенсации морального вреда относятся к деликтным внедоговорным охранительным обязательствам.

Общие условия защиты нематериальных благ установлены в п. 2 ст. 150 ГК РФ, согласно которому нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения.

Способы защиты, перечисленные в ст. 12 ГК РФ являются предусмотренными законом гражданско - правовыми мерами принудительного характера, направленными на восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя.

Ответственность за причинение морального вреда предусмотрена и ст. ст. 1099 - 1101 ГК РФ в виде взыскания компенсации в денежной форме. Хотя еще в 1913 г. С.А. Беляцкин писал, что "присуждение денежного эквивалента, способное устранить имущественный ущерб, не в состоянии погасить вред моральный. Орган человеческого тела, отрубленный, душевное спокойствие, отнятое, не покупаются и не продаются", поэтому, "строго говоря, моральный вред невозместим"[20]. В этой связи представляется, что в юридической

---

[19] См.: HANDFORD, P. R. (1978). MORAL DAMAGE IN GERMANY. International and Comparative Law Quarterly, 27(4), 849–875.doi:10.1093/iclqaj/27.4.849

[20] Беляцкин С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., 1996. С. 16.

литературе обоснованно отмечается, что термин "компенсация" не означает возмещения в смысле восстановления нарушенного права[21].

Ст. 1101 ГК РФ обязывает принимать во внимание характер причиненных потерпевшему страданий с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего, учитывать при определении размера компенсации морального вреда требования разумности и справедливости. Ст. 151 ГК РФ рекомендует суду учитывать при определении размера компенсации вреда «и иные заслуживающие внимания обстоятельства».

Однако сложившаяся судебная практика, к сожалению, свидетельствует о мизерности сумм, присуждаемой судами гражданам компенсации морального вреда.

Список цитируемой литературы

1. Беляцкин С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., 1996.
2. Будякова Т. Возмещение морального вреда жертвам преступлений // Законность. 2006. N 10.
3. Габай П. Г., Карапетян Р. Ю. Компенсация морального вреда пострадавшим пациентам в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики // Юрист. 2017. № 20. С. 40 - 46.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. М., 1998. Т. 2.
5. Дмитриева О.В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. N 12.

[21] Дмитриева О. В. Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. N 12. С. 91.

6. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.

7. Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10.

8. Муковнин В. В. Физические страдания как признак морального вреда // Современное право. 2008. № 11.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Наука, 1998.

10. Потапенко С. В. Особенности гражданского иска в уголовном процессе о компенсации морального вреда, причиненного преступным нарушением личных неимущественных прав // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 56-63.

11. Редько Е. П. Соотношение понятий «моральный» и «неимущественный» вред: теоретические и практические аспекты // Мировой судья. 2008. № 10.

12. Романов В. О наших с вами страданиях // Домашний адвокат. 1996. № 2.

13. Слесарев С. Моральный вред // СПС КонсультантПлюс. 2021.

14. Трофимова Г. А. Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 22 - 30.

15. Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992.

16. Цыганова О. А., Мартынов Е.А., Ившин И.В. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников за причинение вреда здоровью пациентов при осуществлении профессиональной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией Т.Г. Светличной. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2009.

17. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.

18. Эрделевский А. М. Проблемы компенсации морального вреда в зарубежном и российском законодательстве и судебной практике // Государство и право. 1997. № 10.

19. HANDFORD, P. R. (1978). MORAL DAMAGE IN GERMANY. International and Comparative Law Quarterly, 27(4), 849–875.doi:10.1093/iclqaj/27.4.849.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347

Киселева Кристина Эдуардовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры

гражданского процесса и международного права,

Кубанский государственный университет

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1232-8700

Метельков Виталий Николаевич

магистрант юридического факультета им. А. А. Хмырова,

Кубанский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

Features of the legal regime of authorized construction

Аннотация: В данной статье на основе действующего российского законодательства и судебной практики рассматриваются особенности правового режима самовольной постройки как способа приобретения права собственности.

Ключевые слова: Самовольная постройка, недвижимость, право собственности, снос самовольной постройки.

© Киселева К. Э., Метельков В.Н. 2021.

***Abstract**:* This article, on the basis of the current Russian legislation and judicial practice, examines the peculiarities of the legal regime of unauthorized construction as a way of acquiring property rights.

Key words: Unauthorized building, real estate, ownership, demolition of unauthorized building.

В последние несколько лет государство стало активно вести борьбу с самовольно возводимыми строениями. При этом, представляется, что для того, чтобы такую борьбу вести необходимо четко представлять какие угрозы несет самовольное строительство.

Самовольная постройка представляет собой гражданско - правовой субинститут института права собственности. Согласно ст. 222 ГК РФ[1] под самовольной постройкой понимается недвижимость (здание, сооружение, другое строение), созданная на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо созданная без получения на это необходимых согласований, либо созданная с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Также, самовольной постройкой признается самовольно реконструированное недвижимое имущество, т.к. в результате этого фактически возникает новый объект права собственности. Суд обязывает лицо, осуществившее самовольную реконструкцию недвижимого имущества, осуществить снос такого имущества, если установлено, что объект не может быть приведен в состояние, существовавшее до реконструкции[2].

В законодательстве сказано, что лицо, осуществившее самовольную

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) (ред. от 09 марта 2021г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22: в ред. от 23 июня 2015г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

постройку, не приобретает на нее права собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой – продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки (п. 2 ст. 222 ГК РФ).

Самовольно возведенная постройка подлежит сносу или приведению в соответствие нормам, установленным законом. Данное обстоятельство связано с защитой прав других лиц. В частности, имущественных (право собственности на движимые и недвижимые вещи) и личных неимущественных (жизнь, здоровье, безопасность) прав граждан. Это так называемое, предупреждение государством возможного причинения вреда[3].

Следует заметить, что в 2015 году[4] внесены значительные коррективы в механизм сноса самовольных построек. Изменения коснулись как гражданского, так и градостроительного законодательства. При этом, новеллой, которая заставила полностью переосмыслить ранее названную систему, стал механизм, позволяющий принимать решение о сносе самовольной постройки во внесудебном (административном) порядке.

Инициативная группа депутатов обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверки на конституционность вновь принятых норм (в части административного порядке принятия решения о сносе самовольной постройки).

Конституционный Суд РФ своим Определением от 27 сентября 2016 года № 1748-О отказал в принятии к рассмотрению запроса, указав на то, что в аспекте, указанном в запросе, правовое регулирование не может рассматриваться как нарушающее чьи-либо конституционные права[5].

---

[3] Гуляев А.Д. Самовольная постройка в системе способов приобретения права собственности // Проблемы и перспективы становления гражданско-правового общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2020. С. 18.

[4] О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4384.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской

В 2018 году также вносились изменения в ГК РФ и ГрК РФ по вопросам правового регулирования самовольного строительства, однако они уже касались условий, при наличии которых строение может быть признано самовольной постройкой[6].

Возводимое здание и / или сооружение должно соответствовать общим требованиям безопасности:

- требованиям механической безопасности;

- требованиям пожарной безопасности;

- требованиям безопасности при опасных природных процессах и явлениях и (или) техногенных воздействиях;

- требованиям безопасных для здоровья человека условий проживания и пребывания в зданиях и сооружениях;

- требованиям безопасности для пользователей зданиями и сооружениями;

- требованиям доступности зданий и сооружений для инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения;

- требованиям энергетической эффективности зданий и сооружений;

- требованиям безопасного уровня воздействия зданий и сооружений на окружающую среду.

Необходимо также отметить тот факт, что основным документом, разрешающим строительство является – разрешение на строительство, выдаваемое в порядке, предусмотренном ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации[7].

Состояние, когда объект недвижимости фактически создан, а право собственности на него не возникло, не отвечает принципу определенности.

Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092016-n/ (дата обращения: 27.04.2021).

[6] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» Федеральный закон от 3 авг. 2018 г. № 339-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 06.08.2018. № 32 (Часть II). Ст. 5132.

[7] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 30 дек. 2020г.) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть I). Ст. 16.

Правовое положение объекта и субъекта права собственности на недвижимое имущество в данном случае является неустойчивым. Возникшая ситуация требует разрешения. И закон предусматривает два пути разрешения данной проблемы:

- признание права собственности за субъектом, осуществившим самовольное строительство;

- признание самовольно возведенного объекта незаконным и принятие решения о сносе такого строения.

Итак, самовольная постройка – это всегда объект, обладающий признаками недвижимого имущества. Самовольное строительство – это правонарушение, санкцией за которое является возложение обязанности по снесению объекта за счет лица, которое его возвел.

Эксперты отмечают, что более 80 % нарушений при возведении таких объектов связаны с нарушениями правил землепользования застройки (например, когда на земельном участке, отведенном для индивидуального жилого строительства, строится многоквартирный дом). На самовольную постройку не распространяются нормы, касающиеся приобретательной давности, а на иске о ее сносе нормы об исковой давности.

Решение о сносе самовольной постройки принимается судом или органом местного самоуправления, в случаях предусмотренных п. 4 ст. 222 ГК РФ.

В отдельных случаях право собственности на самовольную постройку может быть признано судом или в ином установленном законом порядке (легализация самовольной постройки), однако, для этого необходимо соблюдение одновременно нескольких условий.

Согласно российскому законодательству, правовая база возникновения права собственности на новые постройки — это так называемые «юридические факты», или «конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений».

Существуют четыре таких факта, наличие которых дает любым лицам в РФ право стать собственником нового объекта недвижимости:

- собственноручное, как застройщик, заказчик, оплативший строительство, создание этого недвижимого объекта;

- разрешение на строительство. Наличие документа, разрешающего именно это строительство именно в этом месте;

- оформленный акт о приемке этого объекта государственно приемной комиссией. Этот документ должен быть соответствующим образом подписан и утвержден;

- регистрация права собственности на постройку, которая была проведена в соответствии с правилами государственной регистрации права собственности[8].

Самовольная постройка также может быть признана за каким-либо гражданином или юридическим лицом в том случае, если он имеет право на использование земли, которая стала площадкой строительства. Эти права – либо право собственности на землю, либо право бессрочного постоянного пользования земельным участком, либо право пожизненно наследуемого владения.

При наличии одного из типов таких прав это лицо, которое само не занималось строительством, может получить право собственности на самовольную постройку, если возместит застройщику все расходы, связанные со строительством, которые застройщик сможет документально подтвердить[9].

То есть, для признания права собственности на самовольную постройку необходимо:

- обладание правами на земельный участок, где была осуществлена самовольная постройка;

---

[8] Бетхер В.А., Невзгодина Е.Л. Варианты легализации самовольной постройки в законе, теории, практике и проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 53-57.

[9] Соломатина Ю.В. Актуальные вопросы признания права собственности на самовольное строительство // Конкурс молодых ученых. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. 2020. С. 188.

- соответствие самовольной постройки, на день обращение в судебный орган, обязательным требованиям, установленным законом;

- отсутствие нарушений законных прав и интересов третьих лиц;

- отсутствие состояния создающего угрозу безопасности, жизни и здоровью граждан.

Несоблюдение хотя бы одного из условий, необходимых для признания права собственности на самовольную постройку является поводом для ее сноса.

Так, например, требования органа местного самоуправления к собственнику земельного участка о сносе самовольной постройки подлежат удовлетворению, если возведение объекта осуществляется в отсутствие разрешения на строительство и эксплуатация данного здания представляет угрозу для здоровья и жизни граждан[10].

Следует отметит, что принятие Федерального закона от 03.08. 2018 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[11] породило общественный резонанс. Поэтому, Минстрой России еще до вступления его в силу дал разъяснения и указал на то, что Законом № 339-ФЗ предусматривается возмещение убытков собственников земельных участков и объектов недвижимости, если эти объекты возведены до вступления в силу изменений в ГК РФ, которые расположены в зонах с особыми условиями использования[12].

---

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[11] Федеральный закон от 03.08.2018 № 339-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.08.2018. № 32 (Часть II). Ст. 5132.

[12] Разъяснения Минстроя России «По федеральному закону от 28 ноября 2015 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 48 и 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: http://www.minstroyrf.ru (дата обращения: 27.04.2021).

Отдельно хочется обратить внимание на то, что сегодня Минстрой России с целью придания справедливости механизму принятия решения о сносе самовольной постройки активно выступает за то, чтобы в законодательстве были отдельно прописаны нормы по типам строений (по жилым постройка отдельно, по коммерческим – отдельно).

Несмотря на четкость критериев отнесения объектов к самовольным, на практике нередко возникают пограничные ситуации, в которых определение постройки как самовольной не является столь однозначным.

Наибольшую сложность представляет разграничение случаев проведения без разрешения реконструкции объектов капитального строительства и других изменений здания, не требующих разрешения на строительство.

Современное гражданское законодательство не распространяется на положения о самовольном строительстве в случаях капитального ремонта, перепланировки, реконструкции (переоборудования), в результате которых не был создан новый объект.

Другими словами, даже если объект был переоборудован или перепланирован без получения разрешений, такой объект нельзя считать несанкционированным.

При квалификации самовольной постройки в качестве таковой необходимо обратить внимание на следующие моменты:

1) согласие смежных землепользователей на строительство без соблюдения минимальных отступов от границ их земельных участков не порождает возможности признания права собственности на самовольную постройку[13];

2) объект, размещенный полностью или частично за пределами красных линий, всегда должен квалифицировать как самовольная постройка.

---

[13] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.02.2015 № 18-КГ14-200 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=422015#06297385144330716 (дата обращения: 27.04.2021).

Данное условие с точки зрения законодательной техники построения норм небезупречно.

Так, на первый взгляд логично, что, если к моменту строительства разрешенное использование земельного участка было, к примеру, под строительство индивидуального жилья, а к его окончанию разрешалось и многоэтажное строительство, т.е. изменился вид разрешенного использования земельного участка, признак самовольной постройки для возведенного многоквартирного дома - нарушение разрешенного использования земельного участка не является актуальным, т.е. по такому признаку объект недвижимости не может быть отнесен к самовольной постройке.

Но проблемным является установление даты начала возведения самовольной постройки и что считать началом, и не бесспорным остается момент определения даты выявления самовольной постройки.

Представляется, что объект должен иметь вышеуказанные признаки самовольной постройки не столько к моменту выявления, сколько к моменту рассмотрения и принятия уполномоченным органом решения о сносе.

В правоприменительной практике является спорным вопрос: может ли быть признано право собственности на самовольную постройку за лицами, не являющимися собственниками земельного участка. Представляется, что право собственности на самовольную постройку может быть признано только собственниками земельного участка и за лицами, у которых он находится на праве пожизненного наследуемом владении и постоянном (бессрочном) пользовании. Арендаторы не могут узаконить самовольную постройку, хотя в России до 2006 года существовала практика признания арендатора субъектом права легализации самовольной постройки[14].

Далее необходимо рассмотреть основные тенденции, преобладающие в судебной практике последних лет по делам о самовольном строительстве.

Во-первых, суды в основном остаются на позиции, согласно которой иск

---

[14] Постановление ВАС РФ от 27.02.2006 г. № 13460/05 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 7.

о признании права собственности на самовольную постройку может быть удовлетворен, только если своевременно поданы заявление о выдаче разрешения и необходимые документы.

Во-вторых, большое значение в судебной практике придается назначению самовольной постройки. Так, суды склонны к признанию права собственности на самовольную постройку, если спор касается объекта социального или религиозного назначения.

В-третьих, возведение объекта, являющегося самовольной постройкой, не влечет приобретения права собственности на этот объект, вне зависимости от произведенной процедуры государственной регистрации.

В-четвертых, при подаче в суды исковых заявлений, содержащих требования о признании права собственности на недвижимое имущество, связанного с последующей регистрацией этого права, должна уплачиваться государственная пошлина в размере, установленном подп. 1 п. 1 статьи 339.13 НК РФ в зависимости от стоимости имущества как при подаче искового заявления имущественного характера, подлежащего оценке[15].

Несмотря на сложный порядок признания права собственности на самовольную постройку данный способ применяется достаточно часто, поскольку объекту данного права свойственны специфические, присущие только ему черты.

Так, в порядке искового производства, судами общей юрисдикции по первой инстанции в 2015 году было рассмотрено – 8 283 дела, 2016 году – 14 357 дел, в 2017 году –24 484 дела, в 2018 году – 28 826 дел, за первое полугодие 2019 года – 13 855 дел по спорам, связанным с самовольной постройкой[16].

Итак, решение проблем правового регулирования самовольного строительства будет возможным там и тогда, когда будет четкое понимание

---

[15] Минина А.А., Маллакурбанов Р.З. Особенности правового режима самовольной постройки // Современная наука: ключевые проблемы и инновационные разработки. Материалы II всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2020. С. 67.

[16] Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http: // www.cdep.ru / index.php?id=79 (дата обращения: 17.04.2021).

какие именно нормативные предписания, нарушаются виновными лицами.

В заключение необходимо отметить, что однозначному пониманию, единообразному применению и соответствию правовых норм конституционным требованиям определенности будет способствовать внесение следующих дополнений в п. 1 ст. 222 ГК РФ. Выражение в абзаце первом названного пункта, посвященное признакам самовольной постройки, которые должны быть «действующими на дату выявления самовольной постройки», необходимо дополнить словами «и / или на дату принятия уполномоченным органом решения о сносе».

Список цитируемой литературы

1. Бетхер В. А., Невзгодина Е. Л. Варианты легализации самовольной постройки в законе, теории, практике и проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.
2. Гуляев А. Д. Самовольная постройка в системе способов приобретения права собственности // Проблемы и перспективы становления гражданско-правового общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2020.
3. Минина А. А., Маллакурбанов Р. З. Особенности правового режима самовольной постройки // Современная наука: ключевые проблемы и инновационные разработки. Материалы II всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2020.
4. Соломатина Ю. В. Актуальные вопросы признания права собственности на самовольное строительство // Конкурс молодых ученых. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. 2020.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347

Киселева Кристина Эдуардовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1232-8700

Гюлбанкян Арам Артурович
магистрант юридического факультета им. А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет

ИСК КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Claim as a means of protecting subjective rights in the context of ownership of real estate

***Аннотация*:** в данной работе проводится исследование сущности иска как самостоятельного средства защиты субъективных прав участников гражданского оборота в срезе правоотношений, связанных с правом собственности на недвижимое имущество. Автором рассматриваются подходы к пониманию иска в отечественной науке, а также анализируется способы защиты права собственности на недвижимое имущество и их специфика.

© Киселева К. Э., Гюлбанкян А. А. 2021.

***Ключевые слова*:** иск, права собственности, недвижимость, способы защиты прав, недвижимое имущество, право на иск.

Abstract: This research examines the essence of the claim as an independent means of protecting the subjective rights of participants in civil turnover in the context of legal relations related to the ownership of real estate. The author examines the approaches to understanding the claim in domestic science, and also analyzes the methods of protecting the ownership of real estate and their specificity.

Keywords: claim, property rights, real estate, methods of protection of rights, real estate, the right to claim.

Анализ вопроса исковой защиты права собственности на недвижимое имущество необходимо начать с исторического экскурса. В частности, стоит отметить, что истоки зарождения понятия «иск» и, соответственно, исковой формы защиты права берут свои начала в римском праве. Так, римский юрист Цельс определял иск (*actio*) как право преследовать на суде должное, право требовать то, что тебе следует[1]. Всего в римском праве существовало практически с десяток обозначений термина "иск"[2], наиболее используемым из которых был *actio*. При этом у римлян термин *actio* имел еще ряд подходов к пониманию. Под ним понимали также судебный порядок рассмотрения и разрешения материально-правовых споров (в частности, споров о праве собственности на недвижимое имущество), т.е. судопроизводство, а также действие в целом[3].

В свою очередь исследование отечественных источников права в контексте защиты недвижимого имущества позволяет говорить о том, что впервые данный правовой институт упоминается в Псковской и Новгородской судных грамотах (XIII–XV вв.). В качестве объекта недвижимого имущества в тот историко-

---

[1] Салогубова Е.В. Основные гражданские процессуальные институты римского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 17.

[2] Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения / Пер. с чешск. М., 1989. С. 437.

[3] Тархов В.А. Римское частное право: Учеб. пособ. для юрид. вузов. Саратов, 1994. С. 76.

правовой период выступал исключительно земельный участок (вотчина). Касаемо же иных объектов гражданского оборота, ныне признанных недвижимым имуществом (здания, строения, сооружения), то они рассматривались как элемент земельного участка (вотчины) и не имели самостоятельности в правовом регулировании[4].

Важно отметить, что в российском законодательстве исторически отсутствует легальное определения понятия «иск»[5]. Однако, еще с середины XIX столетия в рамках юридического сообщества сформировалась устойчивая дискуссия, связанная с природой иска, его понятия, предмета и основных существенных признаков, позволяющих произвести его классификацию и, соответственно, дифференциацию. Отечественное законодательство как прошлого, так и нынешнего времени, не дает нам четкого и развернутого ответа относительно уяснения иска, и это при том, что такие понятия как «иск», «исковое прошение», «предмет иска», «основание иска», «цена иска» стойко вошли в юридическую терминологию[6].

В учебной литературе второй половины XIX в. понятие «иск» не дается. Так, например, в трактовке К. И. Малышева понятие иска служит составной частью предмета процесса и используется наравне с понятиями «защита» и «доказательства». Вдобавок, дореволюционный правовед отождествляет понятия «иск» и «исковая просьба» (т. е. исковое заявление в современной интерпретации)[7]. Все же, как думается, последняя позиция, утверждающая синонимичность двух категорий представляется весьма спорной, ибо дезавуирует соотношение формы и содержания в контексте применения

---

[4] См.: Седова Н. Г. Судебная защита объектов недвижимого имущества в дореволюционной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №2 (103).

[5] Потапенко С. В. Иск как сочетание гражданско-правового требования истца к ответчику и процессуально-правового - к суду // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 120.

[6] Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента и общих собраний его с Уголовными I и II департаментами Правительствующего Сената / Сост. А. Боровиковский. СПб., 1903. С. 1, 4, 5 др.

[7] Курс гражданского производства: Сочинение К. Малышева. СПб., 1879. Т. 3. С. 128-132.

способов защиты субъективных прав в судебном порядке.

В свою очередь А. Х. Гольмстен раскрывая содержание иска как обращения к суду с просьбой: во-первых, признать конкретное гражданское право в силу их отрицания; во-вторых, не признать конкретное гражданское право в связи с их утверждением за собой противной стороной[8]. Данная позиция нам видится более уместной, так как более всесторонне и многогранно подходит к уяснению сути иска как способа защиты прав – не только истца, но и ответчика.

В этой связи уместно отметить, что как категория юридической науки иск используется в различных вариациях и ипостасях, а именно:

во-первых, как институт процессуального права[9];

во-вторых, как средство защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов[10];

в-третьих, как процессуальное действие – обращение к суду при помощи подачи искового заявления, как юридический факт, детерминирующий возникновение охранительных правоотношений[11];

в-четвертых, как материально-правовое требование истца к ответчику. При этом данное требование также выступает в двух аспектах: 1) неотъемлемый атрибут искового заявления и 2) качественная характеристика признака, необходимого для конкретизации и индивидуализации материально-правового спора[12].

В общем же виде все имеющиеся в правовой доктрине подходы и мнения касаемо правовой природы категории «иск», ее признаков и характерных черт можно условно дифференцировать исходя из критерия соотношения

---

[8] Учебник русского гражданского судопроизводства А.Х. Гольмстена. Изд. 4-е, перераб. СПб., 1907. С. 136.

[9] Логинов П.В. Сущность иска и признаки индивидуализации хозяйственного спора в арбитражном процессе // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1976. Вып. 1. С. 64.

[10] Викут М.А. Иск как средство реализации права на судебную защиту // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982. С. 226.

[11] Машутина Ж.Н. Судебная защита и соотношение материального и процессуального: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972. С. 8.

[12] Логинов П.В. Указ. соч. С. 67.

материально-правовых и процессуально-правовых начал в конкретной концепции и (или) дефиниции.

Уместно, считаем, согласиться с позицией проф. С.В. Потапенко, который под иском предлагает понимать материально-правовое требование одного лица к другому, вытекающее из материально-правового спора[13]. В качестве обоснования данного подхода заметим, что подтверждением материально-правового характера иска может служить наличие многократного упоминания термина «иск» как в гражданском процессуальном законодательстве (например, ст. 301 ГПК РФ), так и в гражданском (напр., ст. 179 ГК РФ).

Стоит отметить, что проблемы иска и права на иск не обошли стороной субъектов правоприменения. Так, в частности, анализ актов высших судебных органов страны позволяет сделать вывод, что в рамках судебной практики также находит отражения как материальный, так и процессуальный аспект понятия иска[14].

Мы солидарны с позицией ученых, которые рассматривают правовую природу иска как дихотомичную. Так, с одной стороны, можно констатировать наличие материально-правовых основ, – подтверждение чему находятся в нормах ГК РФ – а с другой стороны существование процессуально-правовых начал, что также находит отражение в процессуальном законодательстве. Вместе две части составляют неотъемлемые части единого целого с преобладающим значением материально-правовой стороны[15].

Иск, выступая универсальным средством защиты субъективных прав, имеет различные вариации в зависимости от объектов гражданских прав. В данной связи невозможно обойти вопрос о способах защиты гражданских прав в преломлении права собственности на недвижимое имущество. Так, под

---

[13] Потапенко С. В. Указ.соч. С. 126.

[14] О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 07.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах подсудности дел по искам о правах на недвижимое имущество: Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 12.10.2006 № 54 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Потапенко С. В. Там же.

способом защиты гражданских прав, как отмечает А. Н. Оганесян, понимаются непосредственно закреплённые действующим законодательством возможности, способствующие восстановлению субъектами нарушенных или оспариваемых прав[16].

При этом способы защиты прав на недвижимость имеют ряд основных признаков и свойств, в частности:

1) выступают в качестве составной части общей системы способов защиты субъективных гражданских прав, спецификой которых служит сфера их действия. По факту, данные механизмы защиты идентичны общей системе, но при этом подстроены под регулирования конкретной области отношений – оборота недвижимости[17].

2) являются автономным и неотъемлемым элементом правовой конструкции по обеспечению оборота недвижимости.

3) обеспечивают воздействия на оборот недвижимости посредством одновременного использования двух и более способов защиты прав на недвижимое имущество[18], что, в свою очередь, отражает общий принцип построения и организации систем – принцип единства и дифференциации.

Здесь необходимо обратиться к положениям совместного акта Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», резюмирующего наличие взаимосвязи системы способов защиты прав на недвижимое имущество со сферой регулирования норм процессуального законодательства. В частности, отмечается тот факт, что выбор стороной судебного разбирательства того или иного способа защиты права собственности или иного вещного права, вне зависимости от того способствует ли он его

---

[16] Оганесян А. Н. Особенности применения вещно-правовых способов защиты гражданских прав на недвижимое имущество: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2012.

[17] Петрушкин В. А. О системе способов защиты прав на недвижимость: некоторые проблемы судебно-арбитражной практики // Вестник СГЮА. 2013. №1. С.76.

[18] Петрушкин В. А. Указ. соч. С. 72.

восстановлению, не может считаться в качестве основания для оставления судом иска без движения[19].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о межотраслевом характере механизма применения способов защиты прав на недвижимость и, тем самым, включения в него как материально-правовых, так и процессуально-правовых компонентов[20].

В цивилистической науке классификация способов защиты прав основывается исходя из различных критериев.

В качестве первого примера, можно привести классификацию способов защиты в зависимости от пределов их действия. На основе указанного критерия деления предполагается наличие двух групп способов – универсальные и специальные. Универсальные, исходя из названия, подразумевают защиту полного перечня субъективных прав (закреплен в ст. 12 ГК РФ). В свою очередь специальные способы предназначены для обеспечения защиты конкретных субъективных гражданских прав, которые используются для защиты определенных гражданских прав (например – чести, достоинства и деловой репутации)[21].

Помимо вышеизложенной, существует классификация способов защиты прав исходя из области применения. Данный критерий предполагает наличие вещно-правовых и обязательственно-правовых способов защиты прав. Искомые способы направлены на защиту абсолютных субъективных прав, а именно, права собственности, в т. ч. права собственности на недвижимое имущество. Реализация вещно-правовых способов защиты в качестве необходимого условия предполагает, чтобы субъекты (управомоченное и обязанное лицо) не были обременены отношениями в рамках обязательственного права. К вещно-

---

[19] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) // // СПС «КонсультантПлюс».

[20] См. подробнее: Челышев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2009.

[21] См. подробнее: Потапенко С. В. Судебная защита деловой репутации юридических лиц от диффамации// Право и экономика. 2000. № 6. С. 69.

правовым способам защиты прав относят: виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права собственности, иск о признании права или обременения отсутствующим.

В свою очередь, обязательственно-правовые способы защиты права собственности предполагают, что вполне логично, наличие определенной связи относительно друг друга между управомоченным и обязанным лицом посредством договорных или внедоговорных правоотношений. К таким способам относят: восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки; присуждение к исполнению обязанностей в натуре; прекращение или изменение правоотношения.

Также стоит отметить классификацию, разработанную проф. В. В. Витрянским. Проводя разграничение способов защиты взяв за основу результаты их применения, автор выделяет следующие виды способов:

1) Подтверждающие право либо прекращающие обязанность, т. е. правоустанавливающие;
2) Предупреждающие или пресекающие нарушение права, т. е. превентивные;
3) Восстанавливающие право и (или) способствующие компенсации потерь, т. е. восстановительно-компенсационные.

Считаем, что данный подход наиболее оптимален и в большей степени выражает правовую природу и предназначение действующих способов защиты субъективных гражданских прав в рамках текущего законодательства и правовой доктрины.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, под иском, по нашему мнению, понимается материально-правовое требование одного лица (группы лиц) к другому лицу, предъявляемое

для целей обеспечения защиты субъективных прав и законных интересов и оформляемое в рамках установленной процессуальной формы.

Во-вторых, способы защиты права собственности на недвижимое имущество являются специфической частью общей системы способов защиты гражданских прав и несут в себе обеспечительную функцию, являясь составной частью правовой модели системы оборота недвижимости.

В-третьих, способы защиты права собственности на недвижимое имущество исходя из результатов их применения можно делить на правоустанавливающие, превентивные и восстановительно-компенсационные.

В-четвертых, природа иска носят дихотомичный, двойственный характер, что выражается в наличии как материально-правовых, так процессуально-правовых начал в его содержании.

Список цитируемой литературы

1. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения / Пер. с чешск. М., 1989.
2. Викут М. А. Иск как средство реализации права на судебную защиту // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982.
3. Курс гражданского производства: Сочинение К. Малышева. СПб., 1879. Т. 3.
4. Логинов П. В. Сущность иска и признаки индивидуализации хозяйственного спора в арбитражном процессе // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1976. Вып. 1.
5. Машутина Ж. Н. Судебная защита и соотношение материального и процессуального: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972.
6. Оганесян А.Н. Особенности применения вещно-правовых способов защиты гражданских прав на недвижимое имущество: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2012.

7. Петрушкин В. А. О системе способов защиты прав на недвижимость: некоторые проблемы судебно-арбитражной практики // Вестник СГЮА. 2013. №1.

8. Петрушкин В. А. Правовой оборот недвижимости: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. Казань, 2011.

9. Потапенко С. В. Судебная защита деловой репутации юридических лиц от диффамации// Право и экономика. 2000. № 6.

10. Потапенко С. В. Иск как сочетание гражданско-правового требования истца к ответчику и процессуально-правового - к суду // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2017. № 3.

11. Салогубова Е. В. Основные гражданские процессуальные институты римского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

12. Седова Н. Г. Судебная защита объектов недвижимого имущества в дореволюционной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №2 (103).

13. Тархов В. А. Римское частное право: Учеб. пособ. для юрид. вузов. Саратов, 1994.

14. Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента и общих собраний его с Уголовными I и II департаментами Правительствующего Сената / Сост. А. Боровиковский. СПб., 1903.

15. Учебник русского гражданского судопроизводства А. Х. Гольмстена. Изд. 4-е, перераб. СПб., 1907.

16. Челышев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2009.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.99

Козин Игорь Валерьевич

Председатель Краснодарской региональной общественной организации
по защите прав потребителей «СОЮЗ»,
магистрант юридического факультета им. А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет

СУД ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ: ИСТОРИЯ, ПРАВОВОЙ СТАТУС И КОМПЕТЕНЦИЯ

Intellectual Court: history, legal status and competence

Аннотация: в статье исследуется место и роль Суда по интеллектуальным правам как органа по защите прав граждан и организаций в сфере интеллектуальной собственности. Автором приводятся предпосылки создания в рамках судебной системы России специализированного суда по защите интеллектуальных прав, правовые основы его судоустройственной и судопроизводственной деятельности, а также затрагиваются вопросы разграничения компетенции между Судом по интеллектуальным правам как специализированным арбитражным судом и судами общей юрисдикции.

Ключевые слова: Суд по интеллектуальным правам, арбитражные суды, интеллектуальная собственность, судебная система, разграничение компетенции, судебная защита прав.

© Козин И. В. 2021.

***Abstract*:** The article examines the place and role of the Intellectual Property Court as a body for the protection of the rights of citizens and organizations in the field of intellectual property. The author provides the prerequisites for the creation of a specialized court for the protection of intellectual rights within the judicial system of Russia, the legal foundations of its judicial and judicial activities, and also addresses the issues of delimiting the competence between the Intellectual Property Rights Court as a specialized arbitration court and courts of general jurisdiction.

Keywords: Intellectual Property Court, arbitration courts, intellectual property, judicial system, delimitation of competence, judicial protection of rights

Естественным витком развития общества является усложнение и расширение форм отношений, складывающихся внутри него, что логическим образом порождает формирование новых объектов права, и соответственно, их судебной защиты. В этой связи создание специализированных судов по рассмотрению и разрешению отдельного круга категорий дел в полной мере отвечает тенденциям абсолютизации судебного порядка защиты и восстановления нарушенных прав.

Важно учитывать, что специализированным судам присущи в обязательном порядке следующие признаки:

– организация и правовой статус, которые закреплены отдельными актами (нормативно-правовыми и правоприменительными);

– осуществление судебной деятельности происходит в отдельной процессуальной форме[1].

Единственным в своем роде, *sui generis*, специализированным судом в рамках российской судебной системы является Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП)[2]. Данный судебный орган образован на основании положений ФКЗ «Об

[1] Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник. М., 2017. 568 с.

[2] Ермолаев К.А. Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. №4 (48). С. 50.

арбитражных судах в Российской Федерации» и базируется в системе арбитражных судов. Лейтмотивом образования специального суда по рассмотрению споров, вытекающих из результатов интеллектуальной собственности, явилась зашкаливающая нагрузка арбитражных судов, причем до такой степени критичности, что это начало сказываться на процессуальных сроках разбирательства.

Формирование СИП предварялось рядом условий, сложившихся в общественном и правовом поле государства к моменту его функционирования летом 2013 г.:

1) резкий скачок отношений в области интеллектуальной собственности и, исходя из этого, формирования новых форм интеллектуальной деятельности, нуждающихся в отдельном закреплении в качестве объектов гражданских прав и, соответственно, специальной защите;

2) в результате формирования новых объектов гражданских прав и предмета судебной защиты, естественным образом увеличился прирост материально-правовых споров, связанных с ними непосредственно;

3) особенность обеспечения правового регулирования в области защиты интеллектуальных прав выразила стойкую потребность в формировании узкопрофильной и высококвалифицированной группы судей, а также привлечение в рамках судебного разбирательства специалистов, сведущих в сфере интеллектуального права;

4) потребность в развитии уровня защиты интеллектуальных прав в судебном порядке;

5) наличие у Российской Федерации в данной сфере определенных обязательств перед иностранными партнерами, взятых посредством международных договоров[3].

---

[3] Минина Н.В Суд по интеллектуальным правам и его место в механизме защиты субъективных гражданских прав // Социальная значимость правовых знаний в жизни российского общества: материалы международной научно-практической конференции профессорско–преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, посвященной

Как отмечается в правовой литературе, то в настоящее время создание специализированных судебных органов по защите интеллектуальных прав является тенденцией планетарного масштаба, чему свидетельствует функционирование данных судов в порядке ста государств[4].

Отечественный законодатель при разработке вопроса о создании СИП перенял немецкий и японский опыт. Опыт азиатского государства представляет особый интерес тем, что разбирательство ведется при участии т.н. судьи-техника, которым выступает лицо, сведущее в области интеллектуальной собственности и не являющаяся по своему правовому статусу судьей, но выступающее в конкретном разбирательстве *de facto* в такой роли. При этом данные участники судебного процесса являются штатными сотрудниками Высокого суда по интеллектуальной собственности Японии и наделены соответствующими правами и гарантиями. Стоит отметить, что правомочия СИП по своему наполнению имеют достаточно выраженное сходство с представителем японской судебной системы[5].

В свою очередь немецкое судопроизводство предусматривает обязательность привлечение к делам, связанным с защитой интеллектуальных прав, специалистов. Данная идея была инкорпорирована (не в полном объеме) в российскую модель. Таким образом, вобрав в себя частично немецкую и японскую модель был создан отечественный суд по защите интеллектуальных прав[6].

6 декабря 2011 г. был принят ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации»», а 8 декабря 2011 г. – ФЗ № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам». Введение

Дню юриста. Под общ. ред. Н. И. Бухтоярова, В. Н. Плаксина, С. Н. Махиной, Т. М. Куценко. Воронеж, 2016. С. 214-215.

[4] Пискунов Я. «Создание специализированных судов по интеллектуальным спорам – общемировая тенденция» [Интервью с Л. А. Новоселовой] // Закон. 2015. № 11. С. 6-19.

[5] Попова С. С. Проблемы становления суда по интеллектуальным правам // Имущественные отношения в РФ. 2013. № 6 (141). С. 97.

[6] Там же.

указанных законодательных актов фактически ознаменовало собой завершение заключительного этапа по формированию в России специализированного суда по защите интеллектуальной собственности.

Следующей вехой в истории суда явилось назначение в декабре 2012 года в качестве председателя новосозданного судебного органа судьи действующего на тот момент Высшего Арбитражного Суда РФ – Л. А. Новоселовой.

Отдельной строкой необходимо подчеркнуть скрупулезность законодателя при формировании правовой основы деятельности нового суда. Так, авторами законопроекта были учтены как отечественные наработки, – еще советского периода – сводящиеся к необходимости создания патентного суда, так и зарубежный опыт организации и функционирования патентных судов в передовых правопорядках (Германии, Японии, Великобритании, США и др.).

Создание Суда по интеллектуальным правам можно с уверенностью назвать заметным шагом в развитии: 1) отечественной судебной системы; 2) правовой культуры и правосознания российской общества. Стабильность и единообразие судебной практики в данном контексте послужат гарантами обеспечения защиты прав всех участников правоотношений, в т.ч. в рамках защиты интеллектуальных прав.

Говоря о месте и роли СИП в системе органов защиты прав неотъемлемым атрибутом является разрешение вопроса о компетенции данного органа судебной власти и ее пределах. Более уместно данный вопрос рассмотреть сквозь призму разграничения компетенции между Судом по интеллектуальным правам как специализированным арбитражным судом и судами общей юрисдикции.

Верно отметил В. Н. Соловьев, что конечной целью дифференциации предметов ведения между судами служит обеспечение возможности субъектам права реализовать их право на судебную защиту надлежащим образом в том суде и тем судьей, к компетенции которых оно отнесено законом[7], т.е. в соответствии с

[7] Соловьев В. Н. К вопросу о распределении юрисдикционных полномочий между судами общей юрисдикции и арбитражными судами (научная полемика) // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 13.

требованиями, закрепленными в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. В свою очередь В. М. Жуйков резонно высказывает позицию, что рациональное установление в законодательстве определенной процессуальной формы и компетенции рассмотрения и разрешения конкретных категории дел выступает в качестве важного фактора эффективного судебного разбирательства[8].

Вдобавок, в соответствии с правовой позицией, которую выразил Конституционный Суд РФ, онтологические начала конституционно-правовых принципов равенства и справедливости предполагают определенность, понятность, однозначность нормы права[9]. Данная точка зрения органа конституционного контроля позволяет сделать вывод, что правила подведомственности и подсудности подчинены конституционным принципам и направлены на их реализацию. Подчеркнем, что с 1 октября 2019 г. институт подведомственности как категория процессуального законодательства был выведен из обращения в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства (ГПК РФ и АПК РФ, соответственно) и в настоящий момент действует только в порядке административного судопроизводства (КАС РФ).

В текущий момент законодательством и судебной практикой выработаны две формы (способа) разграничения подсудности дел, связанных с защитой интеллектуальных прав:

1) посредством закрепления специальной подсудности;

2) посредством реализации стандартных правил дифференцирования дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Базовыми критериями дифференцирования подсудности дел между подсистемой судов общей юрисдикции и подсистемой арбитражных судов превалирующим числом исследователей относятся:

---

[8] Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 108.

[9] По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2001 года № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Часть II) ст. 5014.

1) характер (правовая природа) спорного правоотношения;

2) субъектный состав участников спора[10].

При этом стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в определении компетенции судов общей юрисдикции лежит остаточный принцип, а это в свою очередь предполагает, что преимущественное право на рассмотрении дел, связанных с защитой интеллектуальных прав принадлежит арбитражным судам, а общей юрисдикции в данном вопросе приходится довольствоваться исключительно теми категориями дел, которые не отнесены законодательством к ведению арбитражных судов[11]. Исходные начала закреплены в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, опубликованной в конце 2014 г.[12]

Проблемность реализации каждого из вышеприведенных критериев возникает в преломлении к делам в области интеллектуальной прав. Так, в соответствии с ч.1 ст. 27 АПК РФ к компетенции арбитражного суда относятся дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, которые вытекают из гражданско-правовых (ст. 28 АПК РФ), а также административных и иных публичных правоотношений (ст. 29 АПК РФ). Однако, при наличии четкости и однозначности категории «дела, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности», в правоприменительной практике время от времени порождаются дискуссии касаемо отнесения того или иного спора к категории дел, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности[13].

---

[10] Ивкина А.А. Компетенция арбитражных судов в сфере защиты интеллектуальных прав: дисс. …канд. юрид. наук. М., 2017. С. 156; Рожкова М.А. Защита интеллектуальной собственности в арбитражном суде: Проблемы подведомственности и обеспечения иска: дисс. …канд. юрид. наук. М., 2001. С. 74.

[11] Гражданский процесс: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2015. С. 95.

[12] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Вступ. слово П.В. Крашенинникова. М., 2015. С. 21

[13] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02 апреля 2014 года по делу № А23-4120/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Вышеизложенное, в свою очередь, способствует повышенною значения второго критерия, связанного с субъектным составом спора. Однако применимо к данному средству разграничения в судебной практики отсутствует единый подход.

С одной стороны, суды придерживаются позиций, что при рассмотрении категории дел, связанных с защитой интеллектуальных прав необходимо иметь ввиду как характер спорных правоотношений, так и их субъектный состав. Вдобавок, критерии должно учитываться на паритетной основе, без приоритета одного критерия над другим. Данная правовая позиция закреплена как в положениях постановления Пленума Верховного Суда РФ (п.3)[14], так и нашла своё отражение в судебной практике арбитражных судов округов[15].

С другой стороны, судебные органы достаточно вариативно подходят к определению субъектного состава участников спора.

Так, например, судебная практика по доменным спорам уже не первое десятилетие прочно идет по пути определения подсудности только по характеру спорного правоотношения. Хрестоматийными в этом связи служат судебные акты по делу о домене «etro.ru», которое вызвало бурное обсуждение в правовой доктрине[16].

Также, давно и устойчиво сформировалась в судебной практики позиция о подсудности арбитражным судам споров, связанных с нарушением прав на товарные знаки и фирменные наименования в доменных именах, в которых администраторами (владельцами) выступают физические лица, подлежат разрешению именно в арбитражном суде[17].

---

[14] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 №10 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 08 мая 2003 года № КГ-А41/2396-03 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Ешич А.С. Правовое регулирование отношений по использованию товарного знака и иных средств индивидуализации в доменном имени: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 170; Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению Интернет-споров / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2011. С. 133.

[17] См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 мая 2011 № 18012/10 по делу № А40-47499/10-27-380 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 года №

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.09.2018 г. в споре о нарушении исключительных прав на товарный знак администрированием ряда доменных имен по иску компании «Чилек Мобилья Аноним Ширкети» (Турция) к ООО «Магнола Трейд» и И.И. Хрисанфову была закреплена правовая позиция, сводящаяся к следующему: «в силу п. 9 ч. 1 ст. 247 АПК РФ, если истцом в споре является иностранная компания и спор связан с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, использованные при регистрации доменных имен в российской доменной зоне, спор подлежит рассмотрению арбитражным судом независимо от того, является ли ответчик индивидуальным предпринимателем или нет» [18].

Исходя из вышеизложенного, по мнению правоприменителя, соответствующая норма процессуального законодательства закрепляет право арбитражных судов в Российской Федерации рассматривать иски иностранных лиц относительно доменных имен. Истец – в роли которого по данной категории споров будет выступать иностранный правообладатель – при нарушении его исключительных прав в данном правовом конфликте гражданином, т.е. физическим лицом, должен защищать свои интересы посредством подачи искового заявления в арбитражный суд.

В надзорной инстанции данная правовая позиции была поддержана и корректировкам не подверглась[19].

Исследование нормативно-правовых актов, правовых позиций судебных органов и трудов ученых-правоведов, приводят нас к умозаключению, что принятые требования разграничения подсудности дел между судами общей

ВАС-2451/13 по делу № А40-54960/12-51-456 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 23 октября 2012 года № Ф06-7586/12 по делу № А55-20157/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04 сентября 2018 г. по делу № А40-155357/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Определение Верховного Суда РФ от 11.02.2019 по делу № А40-155357/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

юрисдикции и арбитражными судами, базирующиеся на двух критериях используются достаточно точечно и с рядом нюансов. В юридическом сообществе небезосновательно констатируют понижение значимости субъектного критерия при разрешении вопроса разграничения подсудности. Более того, свидетельством тому служат вынесенные судебные постановления, в которых четко указывается на приоритетную роль характера правоотношений в качестве критерия разграничением компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции[20].

При этом стоит отметить, что судебные органы опираются на правовой подход, сформулированный в рамках правоприменительной практики, в соответствии с которым при реализации права на судебную защиту участники судебного разбирательства должны соблюдать требования законодательства об отнесении спора к ведению того или иного суда (юрисдикции), установленные для обеспечения компетентного и всестороннего разрешения спора именно тем судом, который в наибольшей степени способен осуществить законное, справедливое разрешение спора. Суд кассационной инстанции не может отменять судебные акты и прекращать производство по делу только в целях соблюдения правила о подсудности (правовой пуризм), а не для устранения существенной судебной ошибки[21].

В заключении хотелось бы отметить следующее:

Во-первых, создание в рамках отечественной судебной системы специализированного судебного органа по защите интеллектуальных прав в должной мере явилось следствием развития российского политического и

---

[20] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02 декабря 2019 года № С01-1056/2019 по делу № А03-7372/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21 февраля 2019 года № С01-06/2019 по делу № А 40-18446/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 мая 2017 года № С01-693/2016 по делу № А45-20577/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[21] См. подробнее: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2016 № 306-ЭС15-14024 по делу № А57-12139/2011; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.04.2013 № 1649/2013; Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.07.2009 № 826/02 (дело «Сутяжник» против Российской Федерации).

социального устройства, одним из ориентиров которого является построение правового государства.

Во-вторых, создание Суда по интеллектуальным правам является естественным результатом существования в рамках парадигмы цифрового мира, где результаты умственного труда человека носят первичную ценность не только как объект философского постижения, но и как объект правового и экономического регулирования.

В-третьих, в вопросе разграничения критериев подсудности дел в сфере защиты интеллектуальных прав необходимо использовать устоявшиеся в судебной практики правила учитывая, при этом, специфику регулируемых отношений. При этом основным критерием дифференцирования дел необходимо, *a priori*, считать характер (правовую природу) спорных отношений.

Список цитируемой литературы

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник. М., 2017.
2. Гражданский процесс: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2015.
3. Ермолаев К. А. Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. №4 (48).
4. Ешич А. С. Правовое регулирование отношений по использованию товарного знака и иных средств индивидуализации в доменном имени: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
5. Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997.
6. Ивкина А. А. Компетенция арбитражных судов в сфере защиты интеллектуальных прав: дисс. …канд. юрид. наук. М., 2017.

7. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Вступ. слово П.В. Крашенинникова. М., 2015.

8. Минина Н. В. Суд по интеллектуальным правам и его место в механизме защиты субъективных гражданских прав // Социальная значимость правовых знаний в жизни российского общества: материалы международной научно-практической конференции профессорско–преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, посвященной Дню юриста. Под общ. ред. Н.И. Бухтоярова, В.Н. Плаксина, С.Н. Махиной, Т.М. Куценко. Воронеж, 2016.

9. Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению Интернет-споров / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2011.

10. Пискунов Я. «Создание специализированных судов по интеллектуальным спорам – общемировая тенденция» [Интервью с Л.А. Новоселовой] // Закон. 2015. № 11.

11. Попова С. С. Проблемы становления суда по интеллектуальным правам // Имущественные отношения в РФ. 2013. № 6 (141).

12. Рожкова М. А. Защита интеллектуальной собственности в арбитражном суде: Проблемы подведомственности и обеспечения иска: дисс. …канд. юрид. наук. М., 2001.

13. Соловьев В. Н. К вопросу о распределении юрисдикционных полномочий между судами общей юрисдикции и арбитражными судами (научная полемика) // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Коростелева Юлия Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет

Чуприна Алина Владимировна
магистрант юридического факультета им. А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет

Судебное примирение в системе примирительных процедур в арбитражном процессе Российской Федерации

Judicial conciliation in the system of conciliation procedures in the arbitration process of the Russian Federation

***Аннотация*:** В данной статье рассмотрен новый вид примирительной процедуры – судебное примирение. Обозначены его особенности, достоинства и недостатки. Проанализирован процессуальный порядок применения и выявлены пробелы правового регулирования. Обозначены актуальные изменения нормативно – правовой базы российского законодательства для оптимизации данного института.

© Коростелева Ю. А., Чуприна А. В. 2021.

***Ключевые слова*:** арбитражный процесс, судебное примирение, примирительные процедуры, альтернативные способы разрешения споров, судебный примиритель, медиация.

***Annotation*:** This article examines a new type of conciliation procedure - judicial conciliation. Its features, advantages and disadvantages are indicated. The procedural order of application is analyzed and its gaps are identified. We have identified the actual changes in the regulatory and legal framework of Russian legislation to optimize and improve the relatively new institution.

***Keywords*:** arbitration process, judicial conciliation, conciliation procedures, alternative ways of resolving disputes, judicial conciliator, mediation.

Одной из задач развития судебной системы в Российской Федерации является создание альтернативных способов разрешения спора с целью обеспечения интересов судебной системы (снижение судебной нагрузки), а также обеспечения интересов лиц, участвующих в деле (предоставление дополнительных неюрисдикционных средств и методов реализации собственного интереса после обращения в суд). Законодатель последовательно идет по пути расширения использования примирительных процедур в арбитражном процессе. Так, Федеральным законом от 26.07.2019 № 197-ФЗ[1] в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) были внесены изменения, в соответствии с которыми введена новая примирительная процедура – судебное примирение (ст. 138.5 АПК РФ)[2].

Судебное примирение – это разновидность примирительной процедуры, которая возникает по желанию сторон и проходит в форме переговоров, где посредником выступает судебный примиритель.

Прежде чем рассматривать проблематику судебного примирения, хотелось бы кратко раскрыть его порядок и суть. Основными целями судебного примирения

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2019. № 166 (7924).

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. №30. Ст. 3012.

согласно Регламенту проведения судебного примирения (далее – Регламент) выступают: мирное урегулирование споров, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формирование обычаев и этики делового оборота (статья 2 ГПК РФ[3], пункт 6 статьи 2 АПК РФ, пункт 5 статьи 3 КАС РФ[4])[5]. Примирительная процедура возникает по воле и ходатайству сторон. Ее проведение возможно на любой стадии процесса. Примирителем в данном случае выступает судья в отставке, который назначается, исходя из выбора сторон, определением суда, рассматривающего дело по существу. Список судебных примирителей формируется и утверждается Пленумом Верховного Суда РФ на основе предложений арбитражных судов о кандидатурах судебных примирителей из числа судей в отставке, изъявивших желание выступать в качестве судебного примирителя. Порядок судебного примирения определяется сторонами по согласованию с судебным примирителем с учетом положений процессуального законодательства и Регламента. Так, в Краснодарском крае судебными примирителями назначены Воротников А.Е. в Арбитражный суд Северо-Кавказского округа, Березовская С. В. и Черненко А. В. в Арбитражный суд Краснодарского края, Евсеев Е.В. и Барсуков В.А. в Краснодарский краевой суд, имеющие выслугу лет от 22 до 37 лет[6].

Так же стоит отметить, что судебное примирение является бесплатной процедурой, в связи с чем стороны не несут дополнительных финансовых затрат, помимо уже оплаченной государственной пошлины.

По своей практической сути судебное примирение – это та же медиация, только судебная, которая имеет свои особенности и во главе которой – судья в отставке, а не профессиональный медиатор. С одной стороны, это серьезный шаг в

---

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002 г. № 46. Ст. 4532.

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015 г. № 10. Ст. 1391.

[5] Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 // Российская газета. 2019. № 254.

[6] Об утверждении списка судебных примирителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 1 [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/28689/ (дата обращения: 02.05.2021).

развитии альтернативных способов разрешения споров, а с другой стороны, институт судебного примирения введен с массой неточностей и противоречий, на более важные и весомые из которых, хотелось бы обратить внимание и разобрать более подробно.

Так, в п. 1.1 ст. 16 Закона о медиации указано, что деятельность медиаторов на профессиональной основе могут осуществлять судьи, пребывающие в отставке[7]. То есть судебный примиритель при разрешении экономических споров фактически приравнивается к профессиональному медиатору. Интерес вызывает, что в ч. 1 этой же статьи установлено, что профессиональными медиаторами могут быть лица, которые получили дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. Что касается требований к судебным примирителям, то это должен быть судья в отставке, включенный в список судебных примирителей, который не привлечен к осуществлению правосудия и не занимает иную государственную должность (ст. 8 Регламента).

В 2014 г. Минтрудом России был утвержден профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)»[8], в п. 3.1 «Обобщенная трудовая функция» которого установлены требования к образованию и обучению медиатора. Данные требования включают в себя наличие высшего образования и дополнительного профессионального образования по программе повышения квалификации в области медиации.

Можно заметить, что правовые реалии не требуют от судебного примирителя специальных компетентностей в сфере проведения медиации, психологии, конфликтологии, медиативной технологии, а именно: навыков конфликт-анализа, формализации и управления конфликтом, выстраивания и поддержания в переговорах эффективной коммуникации, преодоления психологических аспектов конфликта, снятия коммуникативных барьеров, навыков организации и управления

---

[7] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. № 31. Ст. 4162.

[8] Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор): Приказ Минтруда России от 15.12.2014 № 1041 (ред. от 12.12.2016) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 30.

переговорами. Помимо этого, нет ни одного государственного акта или разъяснения, который бы предписывал судебному примирителю технологию (сущность) работы судебного примирителя.

Конечно, судьи в отставке являются юристами с колоссальным опытом как в практической, так и в научной деятельностях. Однако, работа медиатора и судьи имеет массу принципиальных отличий и одних только юридических знаний, умений и навыков, пусть и экспертного уровня, все же недостаточно для успешной практики судебного примирения в качестве профессионального медиатора. В доктрине бытует мнение, что медиация как технология не предполагает привычного для судьи алгоритма работы и по своему характеру и процедурным особенностям мало чем напоминает привычное для судей разбирательство дела[9].

На наш взгляд, выявленные несоответствия к требованиям, предъявляемых к профессиональным медиаторам и судебным примирителям при разрешении экономических и иных категорий споров в части наличия дополнительного профессионального образования, должны быть уравнены. Данное несоответствие является существенным, так как составляет корневое качество рассматриваемой примирительной процедуры, ибо проведение этих самых примирений имеет ряд специфических особенностей, которые и позволяют выделить их в отдельные (альтернативные) способы разрешения споров. Такие особенности связаны как с уникальными познаниями в области психологии, конфликтологии, техники проведения переговоров, так и с организацией самой процедуры.

Отсутствие этих знаний, умений и навыков может сказаться на эффективности этой новой для нашего правосудия процедуры примирения. Следует согласиться с предложением о необходимости приобретении судьям-примирителям дополнительных профессиональных знаний в области конфликтологии, психологии, медиации, теории и практики коммуникации, организации и проведения

[9] Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М., 2014. С. 111 – 113.

переговоров, а также внести изменения в нормы, регулирующие требования к примирителям[10].

Также хотелось бы отметить, что выделение судебного примирения в отдельный вид примирительной процедуры, не совсем логично и обоснованно. Что имеется в виду? В российском судебном процессе судья наделен достаточно активными полномочиями, включая примирение сторон. Почему бы не использовать уже имеющийся процессуальный механизм? Судья в данном случае по отношению к сторонам выступает посредником, конечно, не таким, как медиатор, в силу властных полномочий, но он так же заслушивает стороны, является объективным и независимым, исследует доказательства дела наряду с объяснениями лиц, участвующих в деле и их представителей, способным вычленить правовую позицию и подвести к заключению мирового соглашения[11]. Решетникова И.В. обоснованно отмечает, что судебное примирение мог бы осуществлять непосредственно судья, рассматривающий дело по существу, и затем, если стороны не пришли к мирному урегулированию, начинать рассмотрения дела при согласии сторон продолжить в том же составе суда, либо произвести замену судьи. Такой порядок, на наш взгляд, является более удобным, требующим меньше финансовых, нормотворческих и временных затрат, так как суд уже знаком с материалами дела.

Одной из задач судебного примирителя является выражение сторонам беспристрастного мнения относительно перспектив дела, возможных рисков, наиболее вероятному исходу дела, чтобы показать неэффективность судебного разбирательства по сравнению с мировым соглашением. С учетом того, что примирение будет осуществляться судьями в отставке, квалифицированное мнение о перспективах судебного дела и о фактической вероятности исполнения принятого судебного решения может стать решающим фактором в пользу урегулирования спора. На что хотелось бы здесь обратить внимание.

Согласно ст. 14 Регламента проведения судебного примирения, судебный примиритель вправе давать сторонам рекомендации в целях скорейшего

[10] Спицин И.Н. Реализация судебного примирения в России: в поисках оптимальной модели // «Арбитражный и гражданский процесс». № 2. 2020. С. 3 – 4.

[11] Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: избранное // М., 2019. С. 297 – 299.

урегулирования спора, разъяснять законодательство и практику его применения, может предлагать сторонам выработать и обсудить варианты урегулирования спора (оптимальный, удовлетворительный, нежелательный). Конечно, статус и опыт судьи, его правовая оценка может представляться более предпочтительной нежели у медиатора. Однако правовой прогноз судьи и представителя стороны, того же адвоката, могут существенно различаться, на почве чего может возникнуть новая конфликтная обстановка, а стороне придется еще и выбирать между мнением судебного примирителя и своего представителя, что в конечном счете не только не приблизит к урегулированию конфликта мирным путем, но еще и отдалит. Помимо всего прочего, нельзя забывать, что судебная практика меняется стремительно, а судьи в отставке не всегда активно за этим следят, что может привести сторон к заключению соглашения на невыгодных условиях, которое в последствии не будет исполняться. Каким здесь видится выход?

Стоит отметить, что медиатор в процессе проведения медиации не обладает такими разъяснительными полномочьями, как судебный примиритель. Если в процессе процедуры возникла необходимость разъяснения юридических или иных обстоятельств дела, то привлекается непосредственный специалист в этой области, как, кстати, и в судебном процессе. В связи с чем стоит поддержать мнение авторов, что наделение судебного примирителя полномочиями давать сторонам рекомендации, разъяснять законодательство и практику его применения, предлагать сторонам варианты урегулирования спора, являются избыточными и подлежат исключению из ст. 14 Регламента проведения судебного примирения[12].

Еще одним значимым отличием судебного примирения от медиации является факт того, что судебное примирение проходит под ограниченным контролем судьи, рассматривающем дело по существу. Помимо того, что судья, рассматривающий дело по существу, своим определением утверждает судебного примирителя, он также имеет право один раз в 14 календарных дней запросить информацию о ходе примирительной процедуры, а при примиритель не позднее следующего дня обязан

[12] Левушкин А. Н., Воробьев В. В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // «Актуальные проблемы российского права». № 5. 2020. С. 135-142.

ему ответить. Вместе с тем ни задачи, ни основания, ни последствия такого взаимодействия законодательством не определены[13].

Таким образом, подводя итог следует сделать вывод: раз законодатель приравнял судебного примирителя к медиатору, то необходимо уравнять эти роли в специальных дополнительных профессиональных знаниях, навыках и умениях, а также закрепить это в требованиях, предъявляемых к судебным примирителям; необходимо ограничить полномочия примирителей в области рекомендаций, разъяснений законодательства и практики его применения, предложениях сторонам относительно вариантов урегулирования спора, так как на практике это может послужить основанием для возникновения новых конфликтов и конфронтации стороны между примирителем и своим представителем; законодательно определить роль судьи, рассматривающим дело по существу, в рамках процедуры судебного примирения.

Помимо всего прочего, как уже было сказано, объективной необходимости и практической применимости в создании нового вида примирительной процедуры, как судебное примирение, не наблюдается, так как эту идею можно было воплотить в рамках уже существующего процесса. Не стоит забывать, что самое главное, на что направлены альтернативные способы разрешения споров – это, чтобы урегулирование спора примирением, было выгоднее, чем рассмотрение дела судом.

Список цитируемой литературы

1. Аболонин В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М., 2014;
2. Долова М. О., Багрянская П. Д. Судебное примирение по гражданским делам // «Журнал российского права». № 5. 2020;

[13] Долова М.О., Багрянская П.Д. Судебное примирение по гражданским делам // «Журнал российского права». № 5. 2020. С. 27.

3. ЛевушкинА. Н., Воробьев В.В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // «Актуальные проблемы российского права». № 5. 2020;

4. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: избранное // М., 2019;

5. Спицин И. Н. Реализация судебного примирения в России: в поисках оптимальной модели // Арбитражный и гражданский процесс. № 2. 2020.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Ляшко Артем Андреевич
Секретарь судебного заседания Краснодарского краевого суда
магистрант юридического факультета им. А. А. Хмырова
Кубанский государственный университет

ПРОКУРОР КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Prosecutor as a subject of civil procedural legal relations

***Аннотация**:* В работе рассмотрены особенности участия прокурора в гражданском процессе. В статье представлены позиции различных ученых о том, что прокурор занимает процессуальное положение истца в гражданском судопроизводстве; является представителем государства в гражданском процессе, от имени которого он осуществляет функцию контроля за соблюдением требований законодательства; также выступает стороной по делу исключительно в процессуальном смысле. В работе делается вывод, что в гражданском процессе прокурор выступает в качестве лица, участвующего в деле, принимает активное участие в качестве стороны по делу.

***Ключевые слова**:* прокурор, субъекты гражданского процесса, гражданский процесс, гражданское процессуальное право, правовой статус прокурора.

© Ляшко А. А. 2021.

***Abstract**:* the paper discusses the features of the participation of the prosecutor in the civil process. The article presents the positions of various scholars that the prosecutor occupies the procedural position of the plaintiff in civil proceedings; is the representative of the state in civil proceedings, on behalf of which he exercises the function of monitoring compliance with the requirements of the law; also acts as a party to the case exclusively in the procedural sense. The paper concludes that in the civil process the prosecutor acts as a person participating in the case, takes an active part as a party to the case.

***Keywords**:* prosecutor, subjects of civil procedure, civil procedure, civil procedure law, legal status of the prosecutor.

Прокурор – это должностное лицо, которое представляет государство. Данный субъект имеет особое положение в рамках гражданского процесса. Призванием прокурора является защита публичных, а также частных прав и интересов субъектов правовых отношений. Большой массив проблем, складывающихся в социальной, экономической, культурной, политической сферах человеческой жизнедеятельности актуализируют важность и весомую значимость фигуры прокурора в гражданских процессуальных правоотношениях[1], которая *de facto*, во многих случаях, выступает чуть ли не единственной надеждой на пути достижения законности, справедливости (в социальном ее понимании), обеспечения правового порядка и защиты прав и интересов слабозащищенных слоев населения.

Вопросы определения значимости статуса прокурора, его места в гражданском процессе вызывают активные дискуссии, как у представителей научного мира, так и в правоприменительной деятельности.

За последние годы законодательные предписания в сфере участия прокурора в цивилистическом процессе претерпели существенные трансформации. Периодически вносятся изменения, направленные на

[1] Рожков А. Ю. Необходимость и целесообразность участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 2. С. 57–60.

реализацию таких важных принципов гражданского судопроизводства, как состязательность и диспозитивность. Несмотря на данный факт, действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ)[2] все же не в полной мере проработал вопросы, связанные с процессуальным статусом рассматриваемого субъекта[3], что обуславливает наличие проблем в указанной области.

Научные споры, возникающие в практической деятельности в связи с участием прокурора в судебном разбирательстве не утихают по сей день и потому, что не существует однозначной оценки необходимости вступления указанного субъекта в процесс. Кроме причин, складывающихся в международно-правовой сфере, указанные проблемы появились в связи с фрагментарным изменением процессуального законодательства, а именно в связи с вступлением в законную силу Кодекса об административном судопроизводстве РФ. На том основании, что в России стали одновременно функционировать сразу три кодекса, регламентирующие процессуальные нормы трех отраслей права, у общественности встал вопрос: каковы цели участия прокурора во всех трех видах судопроизводств (административном, арбитражном, гражданском)? Заметим, что наметившаяся тенденция, приводящая к единообразию всего процессуального законодательства, предполагает определение общепризнанных правил действий участников в тех или иных видах судопроизводства, унификации их правового статуса, предопределенного конкретными правами и обязанностями каждого субъекта гражданских процессуальных правовых отношений[4].

В доктрине сложилось несколько позицией о месте прокурора в цивилистическом процессе.

---

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) //URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 02.09.2020).

[3] Авалян Р. А., Зубарев А. А. К вопросу о процессуальном статусе прокурора в гражданском процессе // Ростовский научный журнал. 2017. № 4. С. 131-138.

[4] Воробьев Т. Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 21.

Так, одна группа ученых полагает, что прокурор в рамках гражданского процесса является истцом по делу, так как участие ответчика по гражданскому делу априори предопределяет наличие истца[5]. Указанное мнение имеет дискуссионный характер, поскольку прокурору – как специфичному участнику процесса – не присущи признаки, относимые к одной из сторон по делу. Кроме того, теми правами, которыми наделен истец не наделен прокурор, также у последнего не имеется личного интереса по поводу предмета разбирательства, прокурор защищает круг лиц, который не определен.

Достаточно распространенным мнением является отнесение прокурора к представителю государства. Исходя из этого, данный субъект осуществляет важную деятельность по надзору за соблюдением законодательно-установленных в РФ требований[6].

Бесспорно, основная деятельность прокурора заключается в контрольно-надзорной функции, которая распространяет свои действия в досудебных процедурах. Вместе с тем, с процессуальной точки зрения данная позиция является спорной.

Для опровержения вышеуказанной позиции можно привести пример из судебной практики. Так, в решении Кашинского межрайонного суда Тверской области от 20 декабря 2019 г. по делу № 2А–59/2019[7] указано, что прокурором проведена проверка соблюдения требований законодательства. При установлении нарушения законодательства прокурором предъявлен в суд иск в интересах неопределённого круга лиц об устранении выявленных нарушений. То есть при осуществлении надзорной функции прокурором

---

[5] Основные направления деятельности советской прокуратуры. Межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. Ф. Козлова. Свердловск, 1988. С. 77; Полянский Н.Н. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 288; Строгович М. С, Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 49

[6] Артамонова Е. Новый ГПК: статус прокурора // Законность. 2003. № 3; Клейман А.Ф. Участие прокурора в гражданском процессе. М., 1975.

[7] Решение Кашинского межрайонного суда Тверской области от 20 декабря 2019 г. по делу № 2А-59/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/CqgkT8lzP5bP (дата обращения 02.09.2020).

выявлены нарушения, но в силу ограниченных полномочий прокурор обратился в суд.

Другая группа ученых указывает на то, что в процессуальном значении прокурор в рамках гражданского судопроизводства выступает одной из сторон по делу, поскольку указанный субъект правоотношений пользуется в процессе установленными для него правами и имеет юридические обязанности, как истец, заявляет свои требования при доказывании[8].

Солидаризируемся с вышеуказанной позицией, так как в гражданском процессе прокурор выступает в качестве лица, участвующего в деле, принимает активное участие в качестве стороны по делу. Кроме того, прокурор наделен процессуальными правами и обязанностями (например: он имеет право знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства различного вида и т.д.). Специфика процессуального положения прокурора в гражданском процессе связана с его основной целью: защита прав, свобод и интересов субъектов правовых отношений.

С учетом вышеуказанного можно сделать вывод, что в рамках гражданского процесса прокурор выступает представителем государства, осуществляющего свою деятельность, преследуя цель защиты прав, свобод и интересов (законных) граждан и неопределенного круга лиц, предоставляя сформированные заключения по тем делам, перечень которых императивно определен положениями ГПК РФ.

Заметим, что категории дел, по которым прокурор может принимать участие в гражданском процессе не безгранична. Существуют определенные пределы участия прокурора по тем или иным делам, в разбирательство которых не допускается вторжение государства. К таким делам относятся споры частного характера и без достаточно-весомых оснований в них нельзя принять участие.

---

[8] Шакарян М.С. Гражданское процессуальное право. М., 2005. С. 92; Варахтина Е.С. Правовой статус прокурора в гражданском процессе // Актуальные проблемы российского законодательства. 2017. № 17. С. 19-24.

Констатируем, что вступление прокурора в процесс может осуществлять лишь в двух формах:

- обращение в суд с исковым заявлением в интересах лиц, прямо предусмотренных в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ;

- обращение в суд для того, чтобы дать заключение по делу, которое прямо отнесено к компетенции прокурора конкретными нормами ГПК РФ.

В изучении прокурора, как субъекта гражданских процессуальных правоотношений, привлекает внимание определение неопределенного круга лиц, которым апеллирует цивилистический процессуальный кодекс.

В этой связи определенный интерес представляет ч. 4 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре РФ» (далее – Закон о прокуратуре), которая вместо вышеназванного термина указывает на значительное число граждан[9]. Заметим, что суды в своей деятельность зачатую используют терминологию, зафиксированную в Законе о прокуратуре.

Исходя из положений ГПК РФ, прокурор наделен правом обращения в судебный орган с заявлением о нарушении прав, свобод и интересов неопределенного круга лиц. Вместе с тем, указанный субъект гражданского процесса не имеет такого права касаемо значительного числа граждан. Считаем, что вышеуказанные термины не тождественны, что находит подтверждение и в позиции Верховного Суда РФ, которая свидетельствует о том, что в случае со «значительным числом граждан», данных граждан можно в исковом заявлении персонифицировать: указать ФИО, место регистрации и другие данные, кроме того, каждое из таких лиц может быть извещено о месте и времени проведения судебного разбирательства[10].

Таким образом, понятия, используемые в ГПК РФ («неопределенный круг лиц») и Законе о прокуратуре («значительное число граждан») не

---

[9] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 03.04.2021).

[10] Определение Верховного Суда РФ от 24.08.2007 № 77-В07-10 // URL: https://onlineovp1.consultant.ru/ (дата обращения 04.03.2021).

равнозначны как с этимологической точки зрения, так и с точки зрения действующего законодательства.

Поддерживаем позицию, высказанную Верховным Судом РФ о том, неопределенность, в случае с терминологией ГПК РФ, означает множественность участников тех или иных правовых отношений, в них невозможно выявить индивидуальность и вовлечь в судебный спор.

С учетом вышеизложенного, считаем, что необходимо установить дефиниции вышеназванных понятий в законодательных актах, которые бы раскрывало полное содержание рассматриваемых правовых категорий.

Изучая процессуальные права прокурора, в очередной раз отметим, что он наделен право обращения в судебный орган для защиты прав, свобод и интересов граждан, круга лиц, которые не определены и др. Но несмотря на это, законодательство РФ не предусматривает возможность прокурора обратиться в судебный орган со встречным иском.

Однако при изучении судебной практики установлено, что в настоящее время прокуроры обращаются в суд со встречными исковыми требованиями[11].

Нам представляется логичным предъявление встречного иска прокурором в целях защиты граждан, которые, порой, самостоятельно не в силах самостоятельно осуществлять судебную защиту.

На основании вышеизложенного предлагаем внести дополнения в ст. 45 ГПК РФ, позволяющие прокурору, во-первых, обращаться в суд со встречным иском в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а во-вторых, в случае выявления нарушений закона в процессе дачи заключения, прокурор вправе предъявить встречный иск к первоначальному истцу в рамках одного гражданского дела о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина».

---

[11] Головко И. И. Особенности субъектного состава гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с участием прокурора // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 168-178.

Список цитируемой литературы

1. Авалян Р.А., Зубарев А.А. К вопросу о процессуальном статусе прокурора в гражданском процессе // Ростовский научный журнал. 2017. № 4.
2. Артамонова Е. Новый ГПК: статус прокурора // Законность. 2003. № 3.
3. Варахтина Е.С. Правовой статус прокурора в гражданском процессе // Актуальные проблемы российского законодательства. 2017. № 17.
4. Воробьев Т.Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.
5. Головко И.И. Особенности субъектного состава гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с участием прокурора // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1.
6. Клейман А.Ф. Участие прокурора в гражданском процессе. М., 1975.
7. Основные направления деятельности советской прокуратуры. Межвузовский сборник научных трудов / под ред. А.Ф. Козлова. Свердловск, 1988.
8. Полянский Н.Н. Проблемы судебного права. М., 1983.
9. Рожков А.Ю. Необходимость и целесообразность участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 2.
10. Строгович М.С, Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М., 1983.
11. Шакарян М.С. Гражданское процессуальное право. М., 2005.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Османова Эвелина Сергеевна
помощник судьи Арбитражного суда Краснодарского края,
магистрант юридического факультета им А. А. Хмырова,
Кубанский государственный университет

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РАМКАХ «ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Establishment and functioning of appeal and cassation courts of general jurisdiction within the framework of the «procedural revolution»

***Аннотация*:** в настоящей статье проанализированы основные положения, проведенной в Российской Федерации судебной реформы, направленной на создание апелляционных и кассационных судов, выявлены сильные и слабые стороны реформы, а также ее целесообразность. Целями произошедших процессуальных изменений являются защита прав и свобод граждан, создание наиболее благоприятных условий для укрепления независимости судебной системы от местных властей, а также создание такой модели судебной системы, которая будет отвечать современным потребностям гражданского общества, вызывать доверие у социума и обеспечивать высочайший уровень правовых гарантий.

© Османова Э. С. 2021.

***Ключевые слова*:** судебная система, Верховный Суд, апелляционные суды, кассационные суды, судебная реформа, независимость судей.

***Abstract*:** this article analyzes a number of provisions of the judicial reform in the Russian Federation, aimed at creating courts of appeal and cassation, identifies the strengths and weaknesses of the reform, its feasibility. The goals of the reform are to protect the rights and freedoms of citizens, to create optimal conditions for strengthening the independence of the judicial system from local authorities, as well as to create a model of the judicial system that will meet the modern needs of civil society, enjoy the trust of this society and ensure the highest level of legal protection.

***Keywords*:** judicial system, Supreme Court, courts of appeal, courts of cassation, judicial reform, independence of judges.

На протяжении долгих лет вопрос о реформировании судебной системы в Российской Федерации (далее – РФ) поднимался неоднократно. Верховный Суд РФ по прошествии лет после длительных обсуждений оказал поддержку законопроекту, который полностью перекроил существовавшую ранее систему апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции.

30 июля 2018 года вступил в силу Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»[1].

В Российской Федерации октябрь 2019 года ознаменован началом воплощения процессуальной реформы «в жизнь», так как именно осенью 2019 года в стране начали функционировать созданные по аналогии с системой

[1] О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

арбитражных судов, новые апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, размещенные на территории судебных округов, которые охватывают несколько соседних субъектов РФ. В рамках «процессуальной революции» было решено сформировать пять апелляционных судов общей юрисдикции, девять кассационных и по одному кассационному и апелляционному военному суду. В основу создания и размещения судебных органов был положен экстерриториальный признак, согласно которому судебные округа не повторяют уже существующее административно-территориальное деление, а сформированы с учетом реальной судебной нагрузки и территориальной доступности.

Для истории российского государства данный способ организации работы судебной системы не является новым, так как уже судоустройственному законодательству 1864 года этот подход был известен. В дореволюционной России времен Александра II судебная власть принадлежала мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату. К примеру, один окружной суд, действовавший на несколько уездных губерний, мог быть разделен еще на несколько отделений. А судебная палата, формирующаяся в каждом в каждом округе, состояла из нескольких губерний или областей[2].

Так, укрепление независимости судов станет одним из главных результатов проведенной реформы, кроме того, создание отдельных судов – это, в первую очередь, мера, имеющая антикоррупционное свойство[3].

Формирование апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, которые размещены на территории созданных по

---

[2] Коршунов Ю. А. Судебные округа судов общей юрисдикции – хорошо забытое старое // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 3А. С. 148.

[3] Латухина К. Фемида в новом формате // Российская газета. 24.01.2018. № 14. С. 2 – 3.

экстерриториальному принципу округов по аналогии с системой арбитражных судов – главная новация вступившего в силу закона[4].

Новые апелляционные суды общей юрисдикции в качестве суда апелляционной инстанции рассматривают дела по жалобам, представлениям на судебные акты областных и равных им судов, принятые ими в качестве суда первой инстанции и не вступившие в законную силу, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Кассационные суды общей юрисдикции в качестве суда кассационной инстанции рассматривают дела по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Ранее в системе судов общей юрисдикции президиум суда субъекта в качества кассационной инстанции мог рассматривать жалобы на апелляционные определения этого же суда субъекта. Объективности не добавлял и тот факт, что обе инстанции могли находиться в одном и том же здании[5]. Под этим углом, рассматриваемая реформа даст возможность исключить вышеописанные ситуации из практики деятельности судебной системы. Ведь именно структурное обособление апелляционных и кассационных судов позволит повысить независимость и самостоятельность судей, так как полномочия судов разных инстанций не будут сконцентрированы в одних и тех же судах, вследствие распределения компетенции между ними.

Нельзя не отметить, что «катализатором» проведения реформы являлся положительный опыт работы системы арбитражных судов, в рамках которой

---

[4] Судебная реформа в России. Плюсы и минусы создания апелляций и кассационных судов [Электронный ресурс], - https://www.eg-online.ru/article/353062// (дата обращения: 16.03.2021).

[5] Аболонин Г. О. О судебной системе США // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 163.

достаточное время функционируют обособленные апелляционные и кассационные суды[6].

Еще одной положительной чертой данной реформы можно признать снижение нагрузки, которая ложится на суды, и, в первую очередь, это суды субъекта. Суд субъекта представляется одновременно в лице трех судебных инстанций, что не может не влиять отрицательным образом на качество и эффективность правосудия. В таких условиях решения суда начинают носить шаблонный и формальный характер, отсутствует индивидуальный подход в отправлении правосудия. Формирование обособленных судов – это ключ в повышении качества правосудия.

Кроме того, создание новых судов позволит решить стоящий перед судебной системой еще и кадровый вопрос, ведь большое количество кандидатов на должности судей, не один год ожидающих вакансию, получат возможность пополнить судейский корпус, что также положительно скажется в разгрузке судов, вследствие распределения большого объема работы между вновь назначенными судьями.

Говоря о процессуальной реформе, также следует сказать о ее спорных сторонах.

Во-первых, ввиду территориального обособления судов, для некоторых граждан доступ к правосудию будет весьма затруднительным, ввиду значительного расстояния до судебного органа, в который необходимо обратиться, и как вытекающее последствие – увеличение судебных издержек. Кроме того, принятие данного предложения может свести к минимуму непосредственность исследования доказательств. Ведь организация проверочных инстанций в арбитражных судах, работающих по принципу «письменного процесса», не может служить образцом для судопроизводства по гражданским и уголовным делам, где правосудие немыслимо без допроса свидетелей и живого общения с участниками процесса.

---

[6] Верховный суд запустил реформу судов общей юрисдикции [Электронный ресурс], - http://ppt.ru/news/141286 (дата обращения: 16.03.2021).

Как способ решения данной проблемы предлагается усовершенствовать систему «Электронного правосудия» с возможностью подачи документов через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и расширения возможностей видеоконференцсвязи. Кроме того, помочь с решением данного вопроса может также использование практики судебных присутствий в регионах и организации выездных составов.

Во-вторых, отрицательной стороной процессуальной реформы является ее финансовая составляющая, для нормального функционирования вновь созданных апелляционных и кассационных судов необходимо достаточное материальное сопровождение всех вытекающих вопросов, а именно, покупка зданий или реализации аренды помещений для размещения судов, оплата труда судей и работников аппарата суда, материально-техническое, информационное и организационное обеспечение работы новых судов и многое другое. Экономическая составляющая реформы судов может достаточно серьезно ударить по государственному бюджету, однако, стоит признать, что расходы при проведении любого вида реформ неизбежны и являются своеобразным вкладом в судебную систему для ее эффективного функционирования.

Так, в процессе дальнейшего реформирования судов общей юрисдикции возможно обращение отечественного законодателя к зарубежному опыту, к опыту государств, в которых те же апелляционные суды функционируют уже на протяжении длительного периода времени. Например, к опыту США и Франции[7].

Территория США включает 50 штатов и 1федеральный округ, поделена на 11 апелляционных округов, в каждом из которых существует свой апелляционный суд. Каждый такой округ состоит из различного количества штатов (от 3 до 10), имея собственный порядковый номер. Свой суд

[7] Агабабян А. З. Институт кассации в российском гражданском судопроизводстве: состояние и перспективы развития // Вестник Поволжского института управления. 2011. №9.С.5.

апелляционной инстанции имеет федеральный округ Колумбия. Дополнительно в 1983 году был учрежден Апелляционный суд федеральной юрисдикции, который рассматривает жалобы по патентным и таможенным делам, а также жалобы на решения, вынесенные Претензионным судом. Таким образом, на территории США работает 13 апелляционных судов.

Руководящая роль за деятельностью каждого такого суда отведена главному судье. А в целом в каждом апелляционном суде работают несколько судей, число которых устанавливается статутом и может насчитывать от 10 до 25.

Апелляционные суды США в судебной системе являются промежуточным звеном между окружными судами и Верховным судом. Суды апелляционной инстанции пересматривают уже принятые решения на территории судебных округов, которые образованы по децентрализованному принципу, объединяя несколько штатов. Апелляционные окружные суды играют большую роль при пересмотре принятых судебных решений, защиты прав граждан. Именно благодаря их организационному обособлению по децентрализованному принципу позволяет судам объективно и независимо от местных органов власти оценить те или иные доказательства по делу повторно[8].

Если мы обратимся к французской судебной системе, то в ней суды различных звеньев расположены по судебным округам, которые совпадают административно-территориальному устройству страны. Франция поделена на 101 департамент, из них – 5 заморских, каждый из которых состоит из административных округов, в которых имеются один или несколько низовых судов (трибуналов).

Суды апелляционной инстанции пересматривают постановления судов первой инстанции на основании поступивших апелляционных жалоб. Каждый

---

[8]Коршунов Ю. А. Зарубежный опыт создания апелляционных судов: на примере Соединённых Штатов Америки и Французской Республики // Юридическая наука. 2019. № 2. С. 47 – 48.

апелляционный суд именуется по названию того города, где он находится. Под юрисдикцию каждого такого суда попадают несколько департаментов – от двух до четырех.

Сравнительный анализ системы апелляционных судов США и Франции позволил выявить общие закономерности в их организации и функционировании, а также ряд отличительных черт. Наиболее характерной чертой судов в Америке является то, что в стране отсутствует как таковая единая общенациональная судебная система, что является непосредственным проявлением принципа федерализма. Сама модель включает в себя как федеральные суды, так и суды штатов. Одним из главнейших отличий судебной системы США является то, что она не связана со штатами на основе формальных отношений, поэтому не осуществляет административного контроля над ними. Такой дуализм основывается на Конституции, которая одни вопросы относит к юрисдикции федеральных органов, а другие — к юрисдикции штатов. Иная ситуация сложилась во Франции, ввиду того что это унитарное государство и там функционирует единая общенациональная система судов. Во Франции действуют 35 окружных апелляционных судов, в отличие от США, где их количество равняется 13. Это связано, в первую очередь, с громоздким административно-территориальным делением страны.

Система апелляционных судов Франции все же имеет некоторые аналогии с американской моделью, например, в части количества судей, которые рассматривают дело, а также организации работы на основе децентрализованных судебных округов.

В процессе дальнейшего совершенствования российской судебной системы видится вполне возможным обратить внимание законодателя на судоустройственный опыт вышеуказанных государств.

Подводя итог, следует сказать о том, что, несмотря на указанные выше недостатки, следует признать, что Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ, все-таки, имеет потенциал для решения проблем, стоящих перед судебной системой на данной этапе ее развития. Обособленные

суды – это увеличение гарантий независимости судей, перераспределение нагрузки и снижение загруженности судов, исключение шаблонности и формальности в отправлении правосудия, тенденция к искоренению коррупционных проявлений в деятельности судебной системы и многое другое.

Список цитируемой литературы

1 Аболонин Г. О. О судебной системе США // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1.

2 Агабабян А. З. Институт кассации в российском гражданском судопроизводстве: состояние и перспективы развития // Вестник Поволжского института управления. 2011. №9.

3 Латухина К. Фемида в новом формате // Российская газета. 24.01.2018. № 14.

4 Коршунов Ю. А. Судебные округа судов общей юрисдикции – хорошо забытое старое // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 3А.

5 Коршунов Ю. А. Зарубежный опыт создания апелляционных судов: на примере Соединённых Штатов Америки и Французской Республики // Юридическая наука. 2019. № 2.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 340

Чуева Арина Сергеевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного
и финансового права,
Кубанский государственный университет
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1664-265X

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

On the question of the legal nature of tax liability in modern realities

***Аннотация*:** в статье представлены различные подходы ученых относительно определения правовой природы налоговой ответственности. Затронуты проблемные вопросы реализации данного правового института, аргументировано собственное мнение автора по поводу формулировки дефиниции «налоговая ответственность (ответственность за совершение налоговых правонарушений)».

***Ключевые слова*:** налогоплательщик, налоговое правонарушение, налоговая санкция, налоговая ответственность, финансово-правовая ответственность, административное правонарушение, административная ответственность.

© Чуева А. С. 2021.

***Annotation*:** the article presents various approaches of scientists regarding the definition of the legal nature of tax liability. The problematic issues of the implementation of this legal institution are touched upon, and the author's own opinion on the wording of the definition of «tax liability (responsibility for committing tax offenses)» is reasoned.

***Keywords*:** taxpayer, tax offense, tax sanction, tax liability, financial and legal liability, administrative offense, administrative liability.

Прошедший 2020 год, ознаменовавший себя годом вспышки пандемии COVID-19, нанес беспрецедентный сокрушительный удар по мировой экономике и финансовой стабильности. Ни для кого не секрет, что в антураже финансового кризиса каждое государство нуждается в своевременном и достаточном пополнении бюджетов, значительный дефицит которых не позволяет эффективно реализовывать ряд запланированных государственных программ (социально-экономического развития, национальной безопасности и многих других). И Россия в этом плане, не исключение.

Учитывая, что одним из основных видов доходов бюджетов в нашей стране являются налоговые доходы (наряду с такими видами как: неналоговые доходы и безвозмездные поступления), налогоплательщики всегда оказываются в зоне, так называемого, «особого давления». Данное обстоятельство обусловлено рядом факторов, среди которых, например: снижение потребительского спроса, рост цен на сырье, газ, электроэнергию и т. д. Нельзя исключать из данного ряда и такой фактор, как «влияние со стороны налоговых органов». Конечно, далеко не все из вышеперечисленных обстоятельств являются предшественниками минимизации налогоплательщиками своих налоговых обязательств, с целью сбережения своего капитала и приумножению прибыли.

Однако следует констатировать, что если одни налогоплательщики для снижения налогового бремени применяют закрепленные на законодательном уровне методы оптимизации налогообложения, среди которых, например:

использование налоговых льгот, применение отсрочки (рассрочки) по уплате налога, либо инвестиционного налогового кредита и т.д. Иными словами, речь идет о законной налоговой проектной деятельности (т.е. законном налоговом планировании). То другие налогоплательщики занимаются «самоуправством» для получения налоговой выгоды, либо надеются на «русский авось». Так, например, предъявляют в налоговый орган документацию, на основании которой будет проведена налоговая проверка, оформленную ненадлежащим образом. При этом, налогоплательщики совершают разного рода махинации: создают «фирмы-однодневки» (ведут свою деятельность только «на бумаге»), совершают мнимые и притворные сделки и т.д. В данном случае можно говорить о налоговой проектной деятельности, базированной на так называемом «злоупотреблении правом».

На практике проблема заключается в том, что очень сложно определить имел ли место факт злоупотребления правом, либо же таковой отсутствовал. Действительно, де-юре все действия налогоплательщиков в большинстве случаев, казалось бы, не противоречат законодательству, соответствуют ему. Де-факто же эти действия – «кот в мешке», т.е. представляют собой нечто действительное, но не закрепленное на законодательном уровне и не оформленное юридически. В связи с этим, в разрешении подобного рода дел, перед судами стоит решение вопроса об обоснованности налоговой выгоды, а не о ее законности. Считаем необходимым отметить, что «отправным пунктом» при рассмотрении подобных дел долгое время (до включения в Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ)[1] статьи 54.1) являлось Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»[2]. Однако, с введением ст. 54.1 НК РФ «Пределы осуществления прав по

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. № 12. 2006.

исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», которая действует уже более трех лет, дискуссии о ее применении, а также о пределах осуществления прав не прекращаются[3].

Наконец, следует констатировать, что в последнее время, к сожалению, наблюдается тенденция применения налогоплательщиками противоправных приемов, направленных на уклонение от уплаты налогов. Речь идет о незаконном использовании налоговых льгот, сокрытии объекта налогообложения, снижении налоговой базы и т.д. При этом, в зависимости от степени тяжести последствий, причиненных государству (в частности, бюджетной системе) в результате нарушения законодательства о налогах и сборах, действия (бездействия) налогоплательщиков в данном случае можно квалифицировать следующим образом: 1) как налоговые правонарушения, ответственность за которые предусмотрена Налоговым кодексом РФ; 2) как преступления, ответственность за которые установлена Уголовным кодексом Российской Федерации[4] (далее – УК РФ).

Продолжая наше исследование, необходимо отметить, что проблемам ответственности за нарушение налогового законодательства в правовой науке уделено немало внимания. Вместе с тем, научный интерес к исследованию правовой природы налоговой ответственности (ответственности за совершение налоговых правонарушений), ее места в системе юридической ответственности, безграничен. Вопрос, касающийся ответственности за совершение налоговых правонарушений по сей день, стоит в налоговом праве достаточно «остро».

Анализ норм, устанавливающих ответственность за нарушение налогового законодательства, указывает на их закрепление как в гл. 15

---

[3] Подробнее по данному вопросу см.: Наталья Ключевская. Статья 54.1 НК РФ: проблемы правового регулирования, изменение акцентов в налоговых спорах, соотношение с «налоговой реконструкцией» // ГАРАНТ.РУ. 26 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/1424088/ (дата обращения: 11.04.2021).

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[5] (далее – КоАП РФ), так и в гл. 22 УК РФ, а также в гл. 16, гл. 18 НК РФ. Учитывая данное обстоятельство, позволим себе сделать вывод о том, что нарушение налогового законодательства может быть квалифицированно как административное правонарушение, как уголовное преступление, а также как налоговое правонарушение. Следовательно, можно говорить о существовании таких видов ответственности, как: административная, уголовная, налоговая.

Остановимся более подробно на налоговой ответственности. Как было отмечено ранее, ее место в системе юридической ответственности до настоящего времени так и не определено, остается предметом дискуссий ряда ученых. Основные противоречия сводятся к следующему: разновидностью административной либо же финансовой ответственности по своей природе является налоговая ответственность?

Так, В. М. Чибинев полагает, что «ответственность, установленная налоговым законодательством, является финансовой ответственностью»[6]. О том, что налоговая ответственность является видом финансово-правовой ответственности считает и В. М. Малиновская[7]. По мнению Н. И. Химичевой «налоговая ответственность – разновидность финансово-правовой ответственности, в связи с чем характеризуется следующими признаками юридической ответственности: имеет нормативно закрепленные основания и порядок привлечения к ответственности»[8].

Иной точки зрения придерживаются специалисты в сфере административного права. Так, например, Д. Н. Бахрах делает акцент на то, что налоговая ответственность является одним из подвидов административной

---

[5] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[6] Чибинев В. М. Проблемы отграничения налоговой ответственности от других видов юридической ответственности // Юрист. 2006. № 4. С. 44.

[7] См.: Малиновская В. М. Налоговые правонарушения и налоговая ответственность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 8. С. 3-14.

[8] Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 406.

ответственности[9]. Н. М. Артемов и С. П. Бортников утверждают, что налоговая ответственность имеет административную природу. В одной из своих научных статей данные авторы приходят к выводу о том, что «административная и налоговая ответственность соотносятся между собой как общее и частное и имеют общую административную публичную природу, свойственную таким отраслевым видам ответственности, как налоговая, финансовая, административная»[10].

Справедливости ради отметим, что в научной литературе можно встретить позицию о том, что налоговая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности.

Так, по мнению А. В Брызгалина «на сегодняшний день сложилась определенная совокупность признаков, которая позволяет сделать вывод о том, что в российской правовой системе сформировалось достаточно четко выраженное правовое явление – ответственность за налоговые правонарушения». В свою очередь, под налоговой ответственностью данный ученый понимает «применение финансовых санкций за совершение налогового правонарушения уполномоченными на то государственными органами к налогоплательщикам и лицам, содействующим уплате налога»[11].

А. А. Гогин в своей диссертации «Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности» приходит к заключению о том, что налоговая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, который содержит в себе как позитивную, так и негативную формы реализации. Кроме того, по мнению данного автора, налоговая ответственность выполняет три функции, реализация которых способствует укреплению законности и правопорядка в Российском государстве, а именно:

---

[9] См.: Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 43.

[10] Артемов Н. М., Бортников С. П. Сравнительно-правовой анализ отношений налоговой ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 11.

[11] Брызгалин А.В. и др. Налоговая ответственность: штрафы, пени, взыскания. М., 1997. С. 6, 7.

превентивную, карательную, восстановительную[12]. Подобной точки зрения придерживаются С. В. Игнатьева, И. В. Блиндюк, высказывая позицию о том, что «налоговая ответственность обладает специфическими признаками, позволяющими рассматривать ее как самостоятельный вид юридической ответственности»[13].

В свою очередь, С. Г. Пепеляев, опровергая автономный характер налоговой ответственности, отмечает следующее: «Некоторые авторы выделяют налоговую ответственность как самостоятельный вид ответственности наряду с гражданско-правовой (имущественной), дисциплинарной, материальной, административной и уголовной. Однако для этого нет оснований. О налоговой ответственности можно говорить только как о комплексном институте, объединяющем нормы различных отраслей права, направленные на защиту налоговых правоотношений. Причина взглядов на налоговую ответственность как самостоятельный вид ответственности – терминологические неточности законодателя»[14]. В обоснование своей позиции, данный ученый ссылается на ст. 10 НК РФ, формулировка которой, по его мнению, способствует постановке ошибочного вывода о противопоставлении налоговой ответственности административной и уголовной ответственности. Однако в этой статье, как отмечает С. Г. Пепеляев, речь идет не о видах ответственности, а о порядке производства по делам о налоговых правонарушениях. Действительно, согласно ст. 10 НК РФ «Порядок производства по делам о нарушениях законодательства о налогах и сборах»: 1) порядок привлечения к ответственности и производство по делам о налоговых правонарушениях осуществляются в порядке, установленном главами 14, 15 НК РФ; 2) производство по делам о

[12] Подробнее по данному вопросу см.: Гогин А. А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: Саратов, 2002. С. 37, 157.

[13] С. В. Игнатьева, И. В. Блиндюк. Административная и налоговая ответственность за нарушение налогового законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (153). С. 64.

[14] Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишер, 2016. С. 500-501.

нарушениях законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки административного правонарушения или преступления, ведется в порядке, установленном соответственно законодательством РФ об административных правонарушениях и уголовно-процессуальным законодательством РФ.

Не возражая по существу против вышеперечисленных позиций ученых по поводу правовой природы налоговой ответственности, все же позволим себе согласиться с мнением ряда авторов о том, что ответственность за совершение налоговых правонарушений является разновидностью (подвидом) финансово-правовой ответственности.

В свою очередь, под финансово-правовой ответственностью предлагаем понимать обязанность претерпевания лицом, совершившим противоправное деяние, являющееся следствием несоблюдения финансово-правовых норм в бюджетной, налоговой, банковской сферах, а также в сфере обязательного социального страхования и выражающееся в совершении виновных действии (бездействия)), неблагоприятных правовых последствий, установленных финансовым законодательством. Иными словами, финансово-правовая ответственность представляет собой не что иное как применение к лицу, совершившему финансовое правонарушение санкций нарушенной финансово-правовой нормы.

Продолжая наше исследование, считаем необходимым выделить особенности, отличительные черты налоговой ответственности как разновидности финансово-правовой ответственности, позволяющие ее отграничивать от ответственности административной. В связи с этим, далее обратимся к сравнительному анализу отдельных положений НК РФ и КоАП РФ.

Итак, налоговым правонарушением, согласно ст. 106 НК РФ, признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое НК РФ установлена ответственность.

Согласно ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Отсюда следует, что основанием наступления налоговой ответственности является налоговое правонарушение, основанием же возникновения административной ответственности – административное правонарушение.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на ст. 107 НК РФ «Лица, подлежащие ответственности за совершение налоговых правонарушений», согласно которой, к ответственности за совершение налоговых правонарушений могут быть привлечены как организации, так и физические лица. При этом физическое лицо может быть привлечено к ответственности за совершение налоговых правонарушений с шестнадцатилетнего возраста.

В соответствии с положениями гл. 15 КоАП РФ «Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней» к ответственности привлекаются должностные лица организаций, являющихся налогоплательщиками.

Как видно, дифференциация налоговой ответственности и административной осуществляется также и по субъекту правонарушения.

Несхожесть налоговой и административной ответственности прослеживается и в индивидуальности их процессуальных форм.

Так, согласно ст. 10 НК РФ «Порядок производства по делам о нарушениях законодательства о налогах и сборах» порядок привлечения к ответственности и производство по делам о налоговых правонарушениях осуществляются в порядке, установленном гл. 14 и гл. 15 НК РФ. В то время, как производство по делам о нарушениях законодательства о налогах и сборах,

содержащих признаки административного правонарушения или преступления, ведется в порядке, установленном законодательством РФ об административных правонарушениях и уголовно-процессуальным законодательством РФ.

Специфику налоговой ответственности можно также проследить исходя из анализа п. 4. ст. 108 НК РФ, согласно которому, привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной, уголовной или иной ответственности, предусмотренной законами Российской Федерации.

Далее обратимся к ст. 114 НК РФ и ст. 3.1 КоАП РФ.

Так, исходя из смысла ст. 114 НК РФ мерой ответственности за совершение налоговых правонарушений являются налоговые санкции, которые устанавливаются и применяются в виде денежных взысканий (штрафов) в размерах, предусмотренных главами 16, 18 НК РФ. Мерой же ответственности за совершение административного правонарушения является административное наказание.

Примечательно, что в КоАП РФ, в частности, в ст. 3.1 четко зафиксированы цели административного наказания, а именно: предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Налоговое законодательство прямо не закрепляет цели налоговой ответственности, однако, на наш взгляд, их можно установить исходя из анализа Постановления Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 года №20-П[15].

В частности, в названном Постановлении Конституционный Суд РФ указал, что в соответствии со ст. 57 Конституции РФ каждый обязан платить

[15] Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 года № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 197.

законно установленные налоги и сборы. Данная конституционная обязанность имеет публично-правовой, а не частно-правовой (гражданско-правовой), характер, что обусловлено публично-правовой природой государства и государственной власти. Налог – необходимое условие существования государства, поэтому обязанность платить налоги распространяется на всех налогоплательщиков в качестве безусловного требования государства. Налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью своего имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит взносу в казну, и обязан регулярно перечислять эту сумму в пользу государства. В противном случае, нарушаются права и охраняемые законом интересы других лиц, а также государства.

Взыскание налога не может расцениваться как произвольное лишение собственника его имущества. Взыскание налога представляет собой законное изъятие части имущества, вытекающее из конституционной публично-правовой обязанности. В этой обязанности налогоплательщиков воплощен публичный интерес всех членов общества. Поэтому государство вправе и обязано принимать меры по регулированию налоговых правоотношений в целях защиты прав и законных интересов не только налогоплательщиков, но и других членов общества.

Налоговые правоотношения основаны на властном подчинении одной стороны другой (налоговый орган – налогоплательщик). Требование налогового органа и налоговое обязательство налогоплательщика следуют не из договора, а из закона. С публично-правовым характером налога и государственной казны и с фискальным суверенитетом государства связаны законодательная форма учреждения налога, обязательность и принудительность его изъятия, односторонний характер налоговых обязательств. Вследствие этого спор по поводу невыполнения налогового обязательства находится в рамках публичного (в данном случае налогового), а не гражданского права.

Наделение налогового органа полномочием действовать властно-обязывающим образом при бесспорном взыскании налоговых платежей правомерно в той степени, в какой такие действия, во-первых, остаются в рамках именно налоговых имущественных отношений, а не приобретают характер гражданско-правовых, административно-правовых или уголовно-правовых санкций, и, во-вторых, не отменяют и не умаляют права и свободы человека и гражданина.

По смыслу ст. 57 Конституции РФ[16] налоговое обязательство состоит в обязанности налогоплательщика уплатить определенный налог, установленный законом. Неуплата налога в срок, по мнению Конституционного Суда РФ, должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога. Поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) законодатель вправе добавить дополнительный платеж - пеню как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога. Бесспорный порядок взыскания этих платежей с налогоплательщика - юридического лица вытекает из обязательного и принудительного характера налога в силу закона.

Взыскание различного рода штрафов, как указывает Конституционный Суд РФ, по своему существу выходит за рамки налогового обязательства как такового. Они носят не восстановительный, а карательный характер и являются наказанием за налоговое правонарушение.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что целями налоговой ответственности являются следующие: 1) предупреждение совершения новых налоговых правонарушений; 2) компенсация (путем погашения задолженности по налоговому обязательству); 3) полное

---

[16] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.

возмещение ущерба, которое понесло государство в результате несвоевременного внесения налога налогоплательщиком. Следовательно, налоговую ответственность следует рассматривать не только как штрафную, но и как правовосстановительную, а также профилактическую (предупредительную, превентивную).

О разграничении налоговой и административной ответственности свидетельствуют также разнородные комбинации к определению вины лица (в частности, юридического лица), совершившего правонарушение.

Так, согласно ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

В свою очередь ч. 4 ст. 110 НК РФ «Формы вины при совершении налогового правонарушения» относительно определения вины организации закрепляет следующее: «вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения».

Проведенное в настоящей статье исследование актуальных вопросов налоговой ответственности, а также определение ее правовой природы, специфики позволяет сделать вывод о том, что налоговая ответственность (ответственность за совершение налоговых правонарушений) является разновидностью (подвидом) финансово-правовой ответственности и представляет собой обязанность претерпевания лицом, совершившим противоправное) деяние (действие или бездействие), являющееся следствием несоблюдения норм законодательства о налогах и сборах неблагоприятных правовых последствий, установленных Налоговым кодексом РФ.

На сегодняшний день стопроцентная реализация института налоговой ответственности является задачей первостепенной важности, так как от ее решения зависит стабильность экономической безопасности Российской Федерации.

Список цитируемой литературы

1. Артемов Н. М., Бортников С. П. Сравнительно-правовой анализ отношений налоговой ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2020. №11;
2. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010;
3. Брызгалин А.В. и др. Налоговая ответственность: штрафы, пени, взыскания. М., 1997;
4. Гогин А. А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: Саратов, 2002;
5. Игнатьева С. В., Блиндюк И. В. Административная и налоговая ответственность за нарушение налогового законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. №1 (153);
6. Малиновская В. М. Налоговые правонарушения и налоговая ответственность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №8;
7. Наталья Ключевская. Статья 54.1 НК РФ: проблемы правового регулирования, изменение акцентов в налоговых спорах, соотношение с «налоговой реконструкцией» // ГАРАНТ.РУ. 26 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/1424088/ (дата обращения: 11.04.2021);
8. Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишер, 2016;

9. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012;

10. Чибинев В. М. Проблемы отграничения налоговой ответственности от других видов юридической ответственности // Юрист. 2006. № 4.

pro-sud-123.ru

Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru:
Юридический сетевой электронный научный журнал. 2021. № 1 (12).

ISSN: 2542 – 2014

УДК 347.9

Шуаев Мурад Халикович
заместитель начальника Инспекции ФНС России №1 по г. Краснодару
магистрант юридического факультета
им. А.А.Хмырова
Кубанский государственный университет

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Summary proceedings in the civil process of Russia and Germany

Аннотация: В статье рассмотрены основные особенности реализации института приказного производства в гражданском процессе России и Германии. Выделены общие черты и особенности приказного производства в этих странах.

Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, гражданский процесс, упрощенные производства.

Abstract: The article discusses the main features of the implementation of summary proceedings in Russia and Germany. The general features and features of the order production in these countries are highlighted.

© Шуаев М. Х. 2021.

Keywords: summary proceedings, court order, civil procedure, simplified proceedings.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации[1] (далее - ГПК РФ) не содержит понятия приказное производство. Вместе с тем законодателем сформулировано понятие судебного приказа. В российском гражданском процессе судебный приказ представляет собой судебное постановление (судебный акт), вынесенное на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 ГПК РФ[2].

При этом у стороны всегда есть выбор: обратиться за выдачей судебного приказа или защищать нарушенное право в исковом порядке[3].

Важнейшим преимуществом приказного производства следует считать ускоренный порядок рассмотрения гражданского дела и исполнение судебного акта (судебного приказа), основанный на его упрощенной процессуальной форме.

Так, заявление о выдаче судебного приказа оплачивается пошлиной в размере 50% от ставки, установленной для исковых требований (п. 2 ст. 123 ГПК РФ), а сам приказ выносится в течение 5 дней с даты поступления заявления в суд (п. 1 ст. 126 ГПК РФ).

Согласно ст. 128 - 129 ГПК РФ далее приказ направляется должнику, который в течение 5 дней вправе подать на него свои возражения, при получении которых суд отменяет приказ с разъяснением истцу права обратиться в суд порядке искового производства.

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 62 "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве" п. 1 // СПС КонсультантПлюс.

[3] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1) // СПС КонсультантПлюс.

В силу ч. 1 ст. 121 ГПК РФ судебный приказ выносится судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным ст. 122 данного кодекса[4].

Важно отметить бесспорный характер требований, заявленных в порядке приказного производства. На эти требования распространяются общие правила территориальной подсудности, хотя могут быть применены также правила подсудности по выбору истца (ст. 29 ГПК РФ) и договорной подсудности (ст. 32 ГПК РФ).

Например, в силу п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» требования о взыскании алиментов, подсудные мировому судье, разрешаются мировым судьей в порядке приказного производства (глава 11 ГПК РФ) или в порядке искового производства (глава 12 ГПК РФ).

В соответствии с абзацем 122 ГПК РФ судья вправе выдать судебный приказ, если заявлено требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанное с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц. На основании судебного приказа не могут быть взысканы алименты на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме, поскольку решение этого вопроса сопряжено с необходимостью проверки наличия либо отсутствия обстоятельств, с которыми закон связывает возможность такого взыскания (статья 83, пункт 4 статьи 143 СК РФ).

Требования о взыскании суммы задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, не превышающей пятисот тысяч рублей, подлежат

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2(2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // СПС КонсультантПлюс.

рассмотрению в порядке приказного производства (пункт 1 части 1 статьи 23, часть 1 статьи 121, абзацы десятый и одиннадцатый статьи 122 ГПК РФ).

При определении родовой подсудности споров, связанных с оплатой жилого помещения и коммунальных услуг нанимателями (собственниками), следует руководствоваться правилами, установленными статьями 23 и 24 ГПК РФ.

Например, иски о перерасчете платы в связи с оказанием коммунальных услуг ненадлежащего качества при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей, подсудны мировому судье, а иски об определении порядка внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги, как иски, не подлежащие оценке, подсудны районному суду[5].

Особая востребованность приказного производства выявилась в условиях пандемии, вызванной распространением вирусной инфекции COVID-19[6]. Как отмечает председатель Совета судей Российской Федерации, секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотов, «продолжалось рассмотрение дел в порядке приказного и упрощенного производства, что по сущности своей является «письменным производством», осуществляемым путем обмена документами между сторонами и судом без проведения очного судебного разбирательства. В приказном и упрощенном порядке судами рассматривается порядка 77% гражданских дел, 90% административных дел и более половины экономических споров»[7].

---

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 N 22 "О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности" // Бюллетень Верховного Суда РФ", N 8, август, 2017 // СПС КонсультантПлюс.

[6] См.: Потапенко С.В., Лупарев Е.Б. Об уголовной и административной ответственности за нарушение ограничительных мер, связанных с пандемией коронавируса // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сер. "Адлерские чтения" Краснодар, 2021. С. 254-262.

[7] Выступление на вебинаре 18 апреля 2021 года для судей государств-членов ШОС председателя Совета судей Российской Федерации, секретаря Пленума, судьи Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотова // http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/41745 (дата обращения 20.04.2021).

Нормы о приказном производстве в отечественном ГПК разработаны с учетом опыта зарубежных стран.

Институт судебного приказа в тех или иных формах широко применен в законодательстве таких европейских стран, как Германия, Австрия, Швейцария, Дания, Греция, Италия, Чехия, Финляндия, Франция и др. Наряду с этим подобные формы упрощенного судопроизводства известны и в странах прецедентного права, в частности, в США, Великобритании.

Далее мы намерены рассмотреть российский институт приказного производства в сравнении с таким же институтом в гражданском процессе Германии, где действует "Гражданское процессуальное уложение Германии (Zivilprozessordnung (ZPO)) " от 30.01.1877 (ред. от 05.12.2005 с изм. и доп. по 30.06.2014)[8] (далее -ГПУ Германии).

Немецкими учеными – юристами «отмечается быстрота и дешевизна приказного производства в сравнении с обычным порядком судопроизводства, поэтому приказное производство является наиболее распространенным институтом упрощенного производства»[9].

Так, Книга седьмая ГПУ Германии называется «Приказное производство». Здесь в § 688 «По требованию, предметом которого является уплата определенной суммы в евро, на основании ходатайства заявителя должен быть выдан судебный приказ о ее взыскании». При этом «цена иска для рассмотрения дела по обычной процедуре или путем выдачи судебного приказа не имеет значения»[10].

В п. 2 этого же параграфа приведены случаи, когда взыскание задолженности в порядке судебного приказа не производится. В частности, если заявление требования зависит от еще не исполненного встречного исполнения.

---

[8] Гражданское процессуальное уложение Германии и Вводный закон. - 2-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 1 - 327.

[9] Крымский Д. И. Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран: автореф. дис. … канд. юрид. Наук. М., 2011. С. 16.

[10] Лазарев С. В . Управление делами в гражданском процессе за рубежом: Монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. СПС «КонсультантПлюс».

В § 692 ГПК Германии регламентировано содержание судебного приказа. Приказ содержит требование оплатить в течение двух недель утверждаемый долг и требуемые проценты, а также расходы, сумма которых указана в приказе. Также предлагается сообщить суду, будет ли и в каком объеме заявлено возражение против заявленного требования.

Если возражение на судебный приказ заявляется своевременно, а одна из сторон потребует проведения искового производства, то суд, который издал судебный приказ, по своей инициативе передает спор в суд, указанный в судебном приказе (§ 696), хотя стороны не лишены права сами выбрать суд для рассмотрения в порядке искового производства, «что удобнее для участников процесса, чем повторное обращение в суд с иском. Судебный приказ может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке»[11].

Согласно § 695 ГПУ Германии суд извещает заявителя о возражении и дате его представления. Если приказное производство ведется без применения автоматизированной обработки документов, то ответчик по заявлению должен представить возражение с необходимым количеством копий.

Как следует из § 701 ГПУ Германии, если возражение не заявлено, и заявитель в течение шести месяцев с момента доставки судебного приказа не ходатайствовал о вынесении приказа об исполнении, действие судебного приказа прекращается. Это положение также применяется, если заявитель своевременно ходатайствовал о вынесении приказа об исполнении, однако его ходатайство было отклонено.

Из приведенных норм германского ГПК видно их значительное содержательное сходство с российским институтом судебного приказа в гражданском судопроизводстве. Общей чертой с отечественным является то, что в рамках приказного производства могут взимать только денежные средства, но в Германии лицо, обращающееся в суд, вправе само определять, предъявлять

[11] Гл. IV, § 1, "Актуальные проблемы судебного разбирательства" (Бычков А.И.) ("Инфотропик Медиа", 2016) // СПС КонсультантПлюс.

требования в приказном или общем исковом порядке, а в Российской Федерации - применение приказного производства имеет обязательный характер.

Отечественный ГПК предусматривает круг требований, по которым можно выдавать судебный приказ, а в немецком Гражданском процессуальном уложении указано, что предметом приказного производства может быть требование об уплате денежной суммы до 600 евро. В делах до 600 евро проведение судебного заседания является необязательным, а в случае проведения такового, судья может по собственной инициативе изменять порядок рассмотрения дела с целью его деформализации.

Общей чертой является и территориальная подсудность дел в приказном производстве. На обжалование судебного приказа в Российской Федерации предусмотрен срок в 10 дней, в Германии - 2 недели с момента, когда должник (противоположная сторона) получит судебный приказ. В отечественном гражданском процессе судебный приказ является одновременно исполнительным документом, а в немецком - на его основании отдельно выдают исполнительное сообщение. В будущем же планируется введение единого для всех европейских стран процессуального порядка приказного производства, поскольку такое мнение выразила специально созданная комиссия ЕС.

Отметим также что в Германии система гражданского процесса, среди прочего, представлена системой процессуальных производств. Среди таких, в качестве упрощенных, следует выделять: рассмотрение дел судами амтсгерихтами, документарное производство и приказное производство[12].

Амтсгерихты (das Amtsgericht) — суды первых инстанций в ФРГ, которые составляют низшее звено в организации надлежащего правосудия в ФРГ. Рассмотрение дел судами амтсгерихтами по аналогии с рассмотрением гражданских дел в постсоветском пространстве выступает осуществлением правосудия по гражданским делам мировыми судами. Компетенция таких судов

[12] Брановицкий, К.Л. Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии / К.Л. Брановицкий // Закон. 2014. № 4. С. 177–187.

очерчена, во-первых, исключительно имущественными исками, во-вторых, ценой иска с верхней границей в 5000 евро, в-третьих, без привязки к цене иска - исчерпывающим, предусмотренным в Гражданском процессуальном кодексе ФРГ, перечнем категорий дел, к которым относятся:

(1) споры, вытекающие из договора перевозки;

(2) споры с возмещением вреда, причиненного дикими животными;

(3) дела, вытекающие из договора аренды жилого помещения;

(4) дела по требованиям, вытекающим из уступки земельного участка в связи с существующим договором ренты и другими подобными договорами;

(5) дела в порядке вызывного производства. Кроме того, в отдельных специальных статьях ГПК ФРГ устанавливаются случаи, когда дело должно рассматриваться в этих судах.

Например, в Берлине выдача приказа об уплате просроченного долга возложена на районный суд Веддинг – Берлин[13].

По сравнению с ординарной процедурой выдача судебного приказа заключается в необязательном участии адвоката (при том, что в ФРГ закреплена адвокатская монополия на представительство в суде), существует возможность подачи устного искового заявления, путем добавления такого протокола в канцелярию суда, изменения правила доказывания и тому подобное.

Документарное производство по ГПК ФРГ так же выступает упрощенным производством, по которому рассматриваются дела о взыскании денег или вещей, наделенных родовыми признаками, рассматриваются исключительно иски о присуждении, а рассмотрение исков о признании и преобразовательных исков - не допускается. Для подтверждения обстоятельств, определенных в исковом заявлении, можно ссылаться лишь на письменные доказательства, при этом не предусмотрена возможность для ответчика предъявлять встречный иск.

---

[13] Карташов М. Практикум приказного судопроизводства по гражданским и торговым делам в России и Европейском Союзе // https://zakon.ru/blog/2016/09/26/ (дата обращения 20.04.2021).

Приказное производство по ГПК ФРГ выступает отдельным упрощенным производством, по которому рассматриваются споры о взыскании денежных средств. Причем, категории дел, по которым может быть выдан судебный приказ не ограничен, что делает открытым названный порядок взыскания платежей практически для любого требования, если такое следует, например, из гражданских, семейных и иных правоотношений[14].

В заключение отметим, что институт приказного производства имеет заслуженное признание как в России, так и в Германии.

Список цитируемой литературы

1. Боннер А.Т., Фурсов Д. А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли/ История юридических наук в России. Под ред. Академика РАН О.Е. Кутафина. М.: МГЮА. 2019.
2. Брановицкий, К. Л. Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии / К.Л. Брановицкий // Закон. 2014. № 4. С. 177–187.
3. Бычков А. И Актуальные проблемы судебного разбирательства. Инфотропик Медиа, 2016. СПС КонсультантПлюс.
4. Гражданский процесс зарубежных стран. Учебное пособие. Под ред. А.Г. Давтян. М.: Проспект. 2018
5. Карташов М. Практикум приказного судопроизводства по гражданским и торговым делам в России и Европейском Союзе // https://zakon.ru/blog/2016/09/26/
6. Лазарев С. В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: Монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. СПС КонсультантПлюс.

[14] Боннер А.Т., Фурсов Д.А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли/ История юридических наук в России. Под ред. академика РАН О.Е. Кутафина. М.: МГЮА. 2019. С. 101 – 155

7. Кудрявцева Е. В. Гражданское судопроизводство Англии. М.: Городец, 2018.

8. Нил Э. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

9. Папулова З. А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2014.